

ЛИДЕРСТВО В БОЮ

✠ ✠ ✠ ✠ ✠

КАПИТАН АДОЛЬФ ФОН ШЕЛЛ

1933 год

Adolf von Schell

Führung im Gefecht

Kriegserfahrungen eines jungen deutschen Offiziers im
ersten Weltkrieg

Перевод на русский язык (с) 2020, Сергей Бокарёв

Лидерство в бою

Личный боевой опыт молодого немецкого офицера с наблюдениями касательно тактики и психологических реакций войск в бою.

АДОЛЬФ ФОН ШЕЛЛ
Капитан немецкой армии

НАПЕЧАТАНО:
THE BENNING HERALD
FORT BENNING -----COLUMBUS
GEORGIA, U. S. A.

Copyright 1933
Майор Эдвин Хардинг
Все права защищены

Выражение признательности

Автор выражает благодарность подполковнику Джорджу К. Маршаллу и следующим офицерам секции военной истории Пехотной школы Форт-Беннинг, Джорджия, за их поддержку, советы и помощь в подготовке этой книги: майору Эдвину Ф. Хардингу, майору Трумэну Смиту, майору Ричарду Тиндаллу, капитану Фрэнсису Х. Уилсону, капитану Джону А. Эндрюсу и первому лейтенанту Чарльзу Т. Ланхэму.

Большая часть представленного материала была первоначально подготовлена для неофициального устного доклада. Именно благодаря заинтересованности указанных американских друзей и их помощи в организации и редактировании эти статьи публикуются в их нынешнем виде.

Предисловие

Автор этих лекций и статей, капитан германской армии Адольф фон Шелл, — молодой офицер, обладающий опытом обширной и разнообразной боевой службы.

Он поступил на службу в имперскую Германскую армию за несколько лет до начала Мировой войны. Мобилизация 1914 года застала его на бельгийской границе в должности командира пехотного взвода Вестфальского VII корпуса.

Он участвовал во взятии Льежа и в наступлении на Францию, которое завершилось битвой на Марне. В октябре 1914 года он принял участие в нескольких сражениях, которые произошли во время исторического «Бега к морю». В одном из них он получил первое из нескольких ранений, которые принесла ему Мировая война, и вернулся домой инвалидом.

В феврале 1915 года он вернулся на службу на фронт в Восточную Пруссию в качестве командира вновь сформированной роты. Там, под командованием Гинденбурга, его рота маршировала и сражалась в метровом снегу в серии боев, вошедших в историю как зимние сражения на Мазурских озерах, во время которых было взято более ста тысяч пленных. С июля по октябрь того же года он принимал участие в гигантском австро-германском наступлении на польский выступ, кульминацией которого стало падение Варшавы. После этого немецкое наступление на восток привело молодого офицера вглубь России до реки Березина. То лето, наполненное бесконечными маршами и неоднократными боями, дало ему большой опыт в тактике ведения маневренной войны небольшими подразделениями.

В 1916 году капитан фон Шелл все еще находился на Восточном фронте, действуя в тесном взаимодействии с австрийцами в попытке остановить Брусиловский «паровой каток» в Галиции и на Волыни.

В 1917 году его дивизия была переброшена на Румынский фронт, где фон Шелл принял участие в ряде боев на высотах Карпат.

В 1918 году война увлекла автора на свою периферию — на Украину, в Крым, на Кавказ. Наступившее перемирие застало его во время действий против большевиков.

После войны капитан фон Шелл служил в новой германской армии на многих должностях, как на строевой службе, так и в штабах. В 1930 году он был отправлен своим командованием на обучение в Пехотную школу Армии США в Форт-Беннинге, и окончил усовершенствованные курсы этого учебного заведения 1930-31 годов. Большая часть лекций, содержащихся в этой книге, была прочитана либо слушателям усовершенствованных и ротных курсов, либо офицерам 29-го пехотного полка.

Своими лекциями капитан фон Шелл предоставляет в распоряжение американской армии свой опыт ведения маневренной войны. К сожалению, во время последней войны почти все наши действия пришлись на период стабилизации позиционного фронта. Вероятно, в нашей Армии нет офицера, который принимал бы участие в таком количестве разнообразных военных операций и боев, как капитан фон Шелл. Его познания о войне были получены в ходе встречных сражений, авангардных боев, арьергардных действий, ночных атак, партизанской войны, боев в горных условиях, в которых он принимал непосредственное участие. Он прошел весь спектр тактического опыта, от преследования отходящего противника до отступления, от штурма долговременных фортификационных укреплений до крупного наступления в суровых условиях русской зимы. Нет ни одной

страницы его истории, изложенной в этих лекциях, которая не была бы достойна внимательного изучения американскими офицерами.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Campbell King". The script is cursive and fluid, with the first name "Campbell" written in a larger, more prominent hand than the last name "King".

КЭМПБЕЛЛ КИНГ,
Генерал-майор, Армия США,
Начальник Пехотной школы.

Содержание

ГЛАВА I — Психология боя	9
ГЛАВА II — Первые дни войны	16
ГЛАВА III — 14-я германская дивизия в первой битве на Марне	21
ГЛАВА IV — Укрепление необстрелянных войск закаленными ветеранами	30
ГЛАВА V — Молодой командир роты в быстро меняющейся обстановке	36
ГЛАВА VI — Разница в службе подготовленных и неподготовленных войск	42
ГЛАВА VII — Граница между маневренной и окопной войной	47
ГЛАВА VIII — Развитие германской армии после Мировой войны	58
ГЛАВА IX — Сухопутные войска Соединенных Штатов	63

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Схемы 1, 2, и 3 приведены в конце книги	
Карта «Зимняя битва в Мазурии»	32

ГЛАВА I

ПСИХОЛОГИЯ БОЯ

Психология, как я ее понимаю, означает познание души. Но как мы можем говорить о душах других, когда мы даже не знаем свои собственные? Есть ли хоть один из нас, кто может с уверенностью сказать, как он отреагирует на определенное событие? Тем не менее, мы, как командиры подразделений, должны иметь определенные знания о душах наших солдат, потому что солдат, живой человек — это инструмент, с которым мы должны работать на войне.

Великие полководцы во все времена обладали настоящим знанием о душах своих солдат. Давайте будем использовать более простую фразу и назовем это знание души просто «знанием людей». Знание людей во всех войнах являлось важным фактором для командира. Вполне вероятно, что это утверждение будет еще более верным и в будущих войнах.

До начала Мировой войны все армии сражались в сравнительно плотном боевом порядке. Психологическая реакция отдельного солдата была не столь решающей, поскольку сражение велось не самим солдатом, а массой, а масса держалась вместе строевой подготовкой и дисциплиной. Более того, психологические впечатления от боя были проще. Полем боя правили винтовка и пушка, враг был виден. В современной войне впечатления гораздо сильнее. Обычно мы сражаемся против врага, которого не наблюдаем. Полем боя правит машина. Мы сражаемся уже не крупными массами, а небольшими группами, а часто и самостоятельно. Поэтому психологическая реакция отдельного человека становится все более важной. Как командиры, мы должны знать вероятную реакцию человека и те средства, с помощью которых мы можем на нее повлиять.

Знание людей особенно трудно по двум причинам. Во-первых, потому что оно не может быть усвоено из книг; во-вторых, потому, что личностные качества человека, характерные для мирного времени, на войне полностью изменяются. Реакции человека на войне иные, чем в мирное время, поэтому с ним нужно обращаться иначе. По этой причине мы не можем изучать психологию войны в мирное время. Я убежден, что никто не может дать рецепт правильного применения принципов психологии на войне, но единственное, в чем мы можем быть уверены, так это в том, что психология солдата всегда важна. Ни один командир, лишенный этого внутреннего знания своих людей, не может совершить великих дел.

Пока армии были малочисленны, а поле боя — небольшим, командир мог оказывать психологическое влияние на свою армию личным примером. Однако в современных войнах старшие начальники всегда находятся далеко в тылу, и большинство солдат никогда их не видит. Следовательно, задача психологического воздействия и понимания солдата в значительной мере перешла к подчиненным командирам. По этой причине мы будем иметь дело только с психологией отдельных личностей и малых подразделений.

В мирное время мы должны сделать все возможное, чтобы подготовить умы наших солдат к напряженной битве. Мы должны постоянно предупреждать их, что война приносит с собой неожиданности и чрезвычайно глубокие впечатления. Мы должны готовить их к тому, что каждая минута боя несет с собой новый удар по нервам. Как солдаты будущего, мы сами должны стремиться осознать, что на войне нас ждет много но-

вых и трудных впечатлений, и поэтому опасности, которые предвидятся подобным образом, уже наполовину преодолены.

Давайте рассмотрим несколько реальных боевых примеров и посмотрим, какие уроки мы можем извлечь из них. При изучении этих примеров следует иметь в виду, что они не являют собой универсальную формулу; в них идет речь только о немецких солдатах; более того, в них идет речь только о конкретных немецких солдатах в определенных ситуациях. Будут ли другие солдаты других стран реагировать подобным образом в подобных ситуациях, я не знаю, но думаю, что нет. Например, менталитет американского солдата отличается от менталитета немецкого; и даже в Америке солдат-северянин отличается от солдата-южанина. Солдат из города Нью-Йорка имеет совершенно иной взгляд на жизнь, чем солдат, живший как фермер на Среднем Западе, поэтому он будет реагировать по-другому и потребует другого метода обращения.

Во время битвы при Танненберге Гинденбург, Людендорф и их штаб находились на холме и наблюдали за частью битвы. В это время известный полковник Хоффман, бывший в то время начальником оперативного отдела штаба, подошел к молодому капитану Генерального штаба и тихо сказал ему:

— Друг мой, похоже, вам нечего делать. Обратите внимание: в деревне Х. находится батальон ландштурма. Вызовите его командира и скажите ему: «Русская кавалерийская бригада глубоко проникла в направлении деревни Х. Батальон ландштурма должен контратаковать и отбросить русских».

Услышав это, молодой офицер Генерального штаба очень разволновался и сказал:

— Но полковник, этот батальон ландштурма состоит лишь из стариков старше 45 лет. Они не смогут победить русскую кавалерийскую бригаду.

Полковник ответил:

— Просто спокойно отдайте ему этот приказ, и если командир батальона откажется подчиниться, спросите его имя. Вы увидите, насколько быстро он все сделает.

Молодой капитан отдал приказ по телефону, и командир батальона, страшно взволнованный, ответил:

— Как я могу атаковать русскую кавалерийскую бригаду со своими стариками, это же невозможно!?

— На этот случай мне было приказано просто спросить ваше имя.

— О, я... — последовал быстрый ответ, — я не это имел в виду; конечно, мы атакуем. Я немедленно отправлю свое подразделение вперед и через пять минут буду на марше. Ваши приказы будут исполнены немедленно.

И они действительно там были.

Страх перед неприятными последствиями невыполнения приказа вытеснил у этого командира все остальные страхи. С другим командиром батальона при других обстоятельствах, эффект, вероятно, был бы совершенно иным. Полковник Хоффман правильно оценил возможную реакцию этого командира батальона.

По-настоящему классический пример подобного искусства психологической оценки ситуации был продемонстрирован в 1917 году одним из командиров бригады. Этот генерал сказал:

— С каждым из трех наших полковых командиров надо обращаться по-разному. Полковнику А. приказы не требуются. Он хочет все делать сам, и у него это всегда получается хорошо. Полковник В. исполнитель, но не проявляет инициативы. Полковник С. противится всему, что ему говорят, и хочет сделать наоборот.

Через несколько дней войска столкнулись с хорошо укрепившимся противником, позиции которого необходимо было атаковать. Генерал отдал следующие индивидуальные приказы.

Полковнику А. (который хочет все сделать сам):

— Мой дорогой полковник А., я думаю, мы будем атаковать. Вашему полку придется нести основное бремя атаки, и я выбрал вас именно по этой причине. Границы полосы наступления вашего полка такие-то и такие-то. Атака в час «Ч». Более мне не нужно вам ничего пояснять.

Полковнику С. (который выступает против всего):

— Мы встретили очень сильного врага. Боюсь, что мы не сможем атаковать силами, находящимися в нашем распоряжении.

— О, генерал, конечно, мы атакуем. Просто назначьте моему полку время начала атаки, и вы увидите, что мы добьемся успеха, — ответил полковник.

— Тогда идите, в таком случае мы попробуем, — сказал генерал, отдавая ему приказ к атаке, который он подготовил некоторое время назад.

Полковнику В. (у которого всегда должны быть подробные приказы) приказ об атаке был просто отправлен с дополнительными деталями.

Все три полка атаковали великолепно.

Генерал знал своих подчиненных; он знал, что каждый из них отличался от других, и чтобы добиться результата, с ними нужно было обращаться по-разному. Он правильно оценил психологическую ситуацию. Сравнительно легко сделать правильную оценку, если знать человека, о котором идет речь, но даже в таком случае это зачастую бывает трудно, потому что человек не всегда остается тем же самым. Он не машина; он может реагировать сегодня так, а завтра иначе. Солдаты могут быть храбрыми сегодня и бояться завтра. Солдаты — это не машины, а люди, которых надо вести на войну. Каждый из них реагирует по-разному, поэтому с каждым нужно обращаться по-разному. Кроме того, каждый из них реагирует *по-разному* в *различное* время, и *каждый раз* с ним нужно обращаться в соответствии с его конкретной реакцией. Ощутить это и прийти к правильному психологическому решению — часть искусства лидерства.

Теперь что касается других вопросов. Мы, побывавшие на войне, знаем, что самое трудное для нас — это спокойно лежать под вражеским огнем и ждать вражеской атаки. Почему?

Когда солдат лежит под вражеским огнем и ждет, он чувствует, что не может защитить себя; у него есть время; он думает; он только ждет выстрела, который поразит его. Он чувствует определенную неполноценность относительно врага. Он чувствует себя одиноким и покинутым.

Я помню один из дней в 1916 году в России. Ночью мы сменили австрийцев. На следующее утро русские начали тяжелую артиллерийскую подготовку. Мы были незнакомы с местностью; мы не знали, какие войска находились справа и слева от нас; мы не знали, где наша артиллерия. Я оказался один со своей ротой посреди австрийского батальона. Я не знал своего начальства. Русские стреляли уже несколько часов, но наша артиллерия не отвечала. Я постоянно ходил от блиндажа к блиндажу, чтобы увидеть и поговорить со своими людьми. По крайней мере, они должны были убедиться, что они не одни. Несколько раз они спрашивали меня: «Неужели мы здесь совсем одни, разве у нас нет артиллерии?» — и так продолжалось несколько часов. Наши телефонные провода

были разорваны на куски. Наконец с тыла донесся страшный шум. Стреляла наша собственная артиллерия. Сразу же вернулось хорошее настроение. Солдаты больше не чувствовали себя покинутыми. Каждый мог видеть и слышать, что наша сторона сейчас что-то делает. Каждый видел, что его поддерживают, и что каждый был готов отразить нападение. В крупных оборонительных боях, когда стреляет вражеская артиллерия, постоянно приходится слышать реплику: «Где же наша собственная артиллерия?»

То же самое было и с нашими авиаторами. Если вражеский пилот летал над нами всего десять минут, солдаты начинали спрашивать: «Разве у нас нет пилотов? Где наши пилоты?» Если наши зенитки начинали стрелять по вражескому самолету, солдат сразу же удовлетворялся — он видел, что что-то делается.

Во время атаки все по-другому. Здесь действует сам солдат; ему есть что делать; он движется вперед; он стреляет; он атакует и диктует действия врага. В момент атаки он никогда не спрашивает: «Где наша артиллерия?» С самого начала атаки он чувствует себя победителем; он бросается вперед. Он верит, что может все сделать сам, ему не нужна поддержка. Но как только атака замедляется, снова раздается призыв к артиллерии.

В Карпатах в феврале 1917 года моя рота находилась на вершине высокой горы, которая господствовала над местностью во всех направлениях. Местами румыны находились всего в двадцати метрах от нас. Однажды мы были застигнуты врасплох вражеской атакой и прижаты к краю горной вершины. Завязалась жестокая рукопашная схватка с использованием штыков и ручных гранат. В конце боя, длившегося час, нам наконец удалось сбросить румын с горы. В самом начале боя я видел, как упал артиллерийский наблюдатель, находившийся в моем окопе. С этого момента я чувствовал, что моя рота и я сражаемся в одиночку, без поддержки артиллерии. В итоге я позвонил нашему полковому адъютанту по телефону и пожаловался, что артиллерия нам не помогла. Вскоре после этого ко мне подошел командир батареи и сказал, что его батарея, поддерживая нас во время боя, выпустила около 300 снарядов, то есть стреляла со скоростью примерно пять выстрелов в минуту, но я не слышал ни одного из них. Мы сражались, действовали, и в азарте боя я не заметил, что наша артиллерия стреляет.

Это желание действовать, на мой взгляд, и есть причина, по которой солдаты так охотно идут в дозор. Я повторяю, что чрезвычайно трудно лежать под вражеским огнем и ждать, потому что в этом случае чувствуешь себя подверженным слепой случайности. В патруле все по-другому. Солдат чувствует, что его судьба находится в его собственных руках. Он чувствует, что не зависит от слепой судьбы, что его не вынуждают идти тем или иным путем, и он может сам решать, что делать. Он чувствует, что контролирует ситуацию. Например, он может подумать: «Этот путь через холм кажется мне опасным; я не знаю почему, но у меня есть совершенно определенное чувство; поэтому, я предпочитаю идти через долину». У него есть чувство, что его действия зависят от его собственной воли, и, следовательно, он может действовать в соответствии с этой волей.

Вот два примера, которые показывают, что подобное чувство безопасности является решающим фактором. И вопрос не в том, существует ли эта безопасность на самом деле.

В сентябре 1914 года мы стояли на холме близ Берри-о-Бак, неподалеку от Шменде-Дам. Справа от нас дорога и канал вели вниз к Берри-о-Бак, который был занят французами. На этой дороге стоял небольшой каменный домик. Я выставил в этом доме пикет

из пяти или шести человек в качестве охранения. Однажды я случайно оказался там, когда французы внезапно открыли огонь по дому из тяжелой артиллерии. Каждую минуту падал снаряд. Всем известно, что одиночные снаряды гораздо неприятнее заградительного огня, потому что в этом случае есть время переждать и все обдумывать. Первый снаряд упал примерно в пятидесяти метрах от цели, второй — в ста метрах от цели, третий опять упал вблизи, а следующий попал совсем рядом с домом. Я заметил, что мои люди встревожены; теперь они ждали, когда снаряд попадет прямо в дом. Я не мог оставить своих людей в это время, хотя мое место на самом деле было не там. Так что мы переждали обстрел вместе. Это ожидание и эта неопределенность заставляли нас нервничать. Мы сидели в доме и прислушивались к каждому разрыву. Мы могли точно сказать, был ли он слишком близким или слишком отдаленным, падал ли снаряд справа или слева от нас. Наконец мне пришла в голову следующая мысль: «Стены этого дома очень толстые, на самом деле около метра. Если за пределами дома разорвется снаряд, а мы будем в доме, то с нами ничего не случится. Если же снаряд разорвется в доме, то лучше быть снаружи. Поэтому лучше всего сидеть в дверях и наблюдать за снарядами. Мы сможем сказать, куда они летят, и мы сможем либо войти в дом, либо выйти из него». Поэтому я сел на стул у двери и вскоре был совершенно удовлетворен — настолько удовлетворен, что заснул. Это действие с моей стороны успокоило моих людей до такой степени, что они начали играть в карты. Через несколько часов обстрел прекратился.

Вы можете посмеяться над моим поступком в этом случае. Я тоже готов посмеяться над этим. Мое убеждение в то время являлось полной чепухой. Никто не может определить, упадет ли снаряд на три или четыре метра вправо или влево, я только упомянул этот момент, чтобы проиллюстрировать, что нет никакой разницы, является ли безопасность реальной или нет; это просто вопрос ощущения того, что она есть.

Еще один пример. Это было в августе 1916 года. Большое русское наступление под командованием генерала Брусилова отбросило австрийцев далеко в тыл. Нас перебросили по железной дороге, а затем мы форсированными маршами двинулись на фронт, чтобы помочь австрийцам. Несколько дней мы стояли лагерем в лесу позади нашей артиллерии. Затем, однажды ночью, мы подошли вплотную к фронту в качестве резерва, и наши роты были разбросаны по всему участку. Поскольку мы не были знакомы с этим сектором, нашу роту на фронт повел австрийский унтер-офицер. Мы остановились под большим навесом. Счастливые от того, что у нас есть крыша над головой, мы крепко проспали до утра.

Когда рассвело, я увидел, что этот сарай был совершенно открыт и находился не более чем в 200 метрах от австрийской батареи. Это поставило нас в такое положение, что если русские начнут стрелять по этой батарее, мы окажемся в самом центре их обстрела. Кроме того, я видел русский воздушный шар с наблюдателем, поэтому мы не могли выйти из нашего сарая. Мои опасения вскоре подтвердились: русские открыли огонь по австрийской батарее из тяжелой артиллерии. Один из каждых трех или четырех выстрелов падал и взрывался вблизи сарая, в котором укрылась моя рота. Мы не могли двигаться, пока не наступит ночь или пока не упадет русский воздушный шар. Снаряды продолжали падать вокруг нашего сарая. Никто не произнес ни слова. Я заметил, что мои люди сильно нервничают. Некоторые приходили ко мне и просили разрешения выйти на улицу, давая более или менее тривиальные отговорки. Я отказывался, так как было очевидно, что они просто хотели добраться до более безопасного места. Нервное возбужде-

ние стало напряженным. Внезапно прямо в середину роты упал снаряд, который не разорвался. Нервы были измотаны почти до предела. Мы были как чайник, который скоро закипит.

Чтобы получить чувство безопасности, кто-то должен был действовать. Потом мне пришла в голову хорошая мысль: я позвал ротного парикмахера, сел спиной к выходу и велел ему подстричь мне волосы. Надо сказать, что за всю мою жизнь ни одна стрижка не была такой неприятной. Каждый раз, когда над нашими головами свистел снаряд, я дергал головой вниз, и парикмахер вырывал несколько волосков вместо того, чтобы подстричь их. Но эффект был потрясающий: солдаты, очевидно, чувствовали, что если командир роты может спокойно сидеть и стричь волосы, то ситуация не так уж плоха и что они, по всей видимости, находятся в большей безопасности, чем полагают. Начались разговоры, прозвучало несколько шуток, несколько человек стали играть в карты, кто-то запел; никто больше не обращал внимания на снаряды, хотя через несколько минут два человека были ранены снарядом, ударившим неподалеку.

В этом эпизоде можно выделить два момента:

1. Прививайте людям чувство защищенности, тем самым вы помогаете им преодолеть свои страхи.

2. Сделайте что-нибудь, чтобы побудить их к действию. Если они долгое время находились в обороне, высылайте дозоры, даже если для этого нет особой причины. Дозорная служба прививает чувство превосходства и уверенности в себе. Я долгое время служил под командованием командира полка, который требовал, чтобы каждую ночь от каждой роты высылали по одному дозору. Каждый дозор должен был вернуться с четкими доказательствами своей деятельности, такими как пленный или кусок вражеской проволоки. Вскоре между ротами возникло регулярное соревнование — все хотели пойти на патрулирование в дозор.

В немецкой армии мы используем то, что называется «тактикой, производной от задачи»: приказы не прописываются в мельчайших деталях, командиру просто ставится боевая задача, а как она будет выполнена — это его проблема. Это делается потому, что командир, находящийся на земле, — единственный, кто может правильно оценить существующие условия и принять надлежащие меры, если в обстановке произойдут изменения. Для подобной «тактики, производной от задачи» также существует серьёзная психологическая причина. Командир, который может принимать свои собственные решения в рамках поставленной ему боевой задачи, чувствует, что он несет ответственность за то, что он делает. Следовательно, он достигнет большего, потому что будет действовать в соответствии со своей собственной психологической индивидуальностью. Предоставьте такую же самостоятельность вашим командирам взводов и отделений. Конечно же, из обучения в мирное время видно, что чем больше свободы предоставляется подчиненному командиру во время его обучения, тем лучше будет результат. Почему? Потому что это делает его ответственным за результат и дает возможность достигать их по-своему.

Еще несколько выборочных примеров проиллюстрируют другие аспекты этого интересного предмета солдатской психологии.

В августе 1914 года мы шли через Бельгию в направлении Льежа. Было прекрасное утро. Мужчины пели. Мы были молоды, здоровы, и у нас было ощущение силы и мощи. На дороге мы увидели первых убитых. Пение прекратилось. Солдаты уставились на своих мертвых товарищей. Перед их глазами внезапно предстала вся серьезность войны. Возможно, они тоже скоро будут лежать мертвыми на обочине дороги. В абсолютной

тишине рота двинулась дальше. Потом вдруг кто-то окликнул мертвеца: «Кажется, тебе хватит спать; вставай, пора завтракать». Все засмеялись. Серьезность момента растворилась в шутке. Приподнятое настроение вернулось.

Один день спустя. Показался первый раненый солдат. Он стонет от боли. К нему подходят несколько товарищей. Видно, что люди в депрессии. Это первый раненый, которого они увидели. Кто будет следующим? Тогда кто-то говорит: «Жаль, что ты не умер; тогда я стал бы наследником твоих прекрасных сапог». Раненый перестает стонать. Он впервые замечает, как хорошо, что он все еще жив.

Стоит осень 1916 года. Дивизия участвует в страшном сражении. Потери очень велики. В штабе дивизии можно видеть только встревоженные лица. Каков будет результат сражения? Вдруг подъезжает сильно изнуренный и возбужденный командир батальона со своим ординарцем. Он заявляет: «Я хочу сообщить, что я единственный оставшийся в живых из моего батальона». Следует минута напряженного молчания. Тогда командир дивизии говорит: «Вы ошибаетесь, майор; ваш ординарец все еще с вами». Сразу же вернулось приподнятое настроение. Эти маленькие примеры показывают, какие чудеса может сотворить слово в нужное время. Это психологическая реакция, которая не поддается объяснению,

Стоит осень 1914 года. Мы просто идем в бой. Я замечаю человека, который бредет. Вчера перед боем я тоже заметил, как он бредет. Я спросил его: «Зачем ты бредишь?» Он отвечает: «Со времен Льежа я брился перед каждым боем и ни разу не был ранен. Во всяком случае, вреда от этого не будет».

1917 год. Битва при Камбре. Лейтенант с двадцатью солдатами обороняет небольшую рощицу. Он отбивает несколько атак. Начинается еще одна атака. У них кончаются боеприпасы, только несколько немцев могут продолжать огонь. Что нужно сделать? Лейтенант командует: «Примкнуть штыки! В атаку! Ура!» Двадцать человек атакуют. Восемьдесят английских солдат взяты в плен.

Почему англичане сдаются? Почему бы им просто не посмеяться над двадцатью немцами, которые их атакуют?

Февраль 1917 года. Это был тот же ближний бой на горной вершине в Карпатах, описанный ранее. Бой продолжается уже час, и мы не можем отбросить румын назад. В одном месте дерутся около шести человек. Внезапно их капрал застрелен в самой гуще событий. Один из его людей вскакивает: «Румыны убили нашего капрала!» — кричит он и бросается на врага, сбивая с ног нескольких из них. Румыны бегут в тыл, немцы за ними. Через пять минут мы отбиваем горную вершину.

Эти два последних случая представляют собой примеры неожиданных действий, которые благодаря своему неожиданному эффекту принесли успех. Таким вещам нельзя научиться в мирное время.

Мы знаем, что психология чрезвычайно важна на войне. Это поле деятельности не имеет границ, и каждый добросовестный солдат должен уделять ему много времени и изучать. И все же ее нельзя *изучать* так, как изучают математику. Ее нужно *почувствовать*. К сожалению, мы не можем сформулировать набор психологических правил; человеческие реакции никогда не могут быть сведены к точной науке. Война управляется неопределенным и неизвестным, и наименее известным фактором из всех является человеческий фактор.

ГЛАВА II

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

До начала Мировой войны совсем не задумывались о том, чтобы познакомить офицеров и солдат с теми впечатлениями, которые они получают, а также с теми затруднениями и умственными сложностями, с которыми им придется столкнуться с началом боевых действий. Цель этой главы — показать, как реагировали все чины в первоначальных боевых условиях, и предложить пути устранения или, по крайней мере, минимизации некоторых допущенных ошибок, а также способы исправления ошибочных идей, которые актуальны для начальных боев.

Важно помнить, что в начале Мировой войны немецкие войска были исключительно хорошо обучены, великолепно дисциплинированы и обладали удивительно высоким моральным духом. Все их командиры, как офицеры, так и унтер-офицеры, знали свои обязанности досконально. Рота, о которой мы будем говорить, входила в состав полка регулярной армии. Ее солдаты были молоды и находились в отличной физической форме. Но никто ничего не знал о впечатлениях, которые несет в себе битва; никто не знал, как человек будет реагировать на них; никто не мог сказать, как он сам поведет себя в сражении.

В таких обстоятельствах было бы полезно, если бы офицеры и солдаты знали друг друга и служили вместе в течение длительного периода времени, но на практике все было далеко не так. По причинам, на то время казавшихся достаточными, почти все офицеры меняли свои обязанности по мобилизации. Правда, они обычно оставались в одном и том же полку, но брали на себя командование новыми подразделениями, где они были неизвестны солдатам, а солдаты были неизвестны им.

Сегодня такой перевод офицеров представляется ошибкой. Я твердо убежден, что тяжелое бремя, вызванное новыми впечатлениями от сражения, было бы значительно уменьшено, если бы существовало то чувство единства и то взаимопонимание, которое порождается между офицерами и солдатами долгой совместной службой.

На войне быстро учишься, и первые впечатления, какими бы незначительными они ни были, остаются надолго, поэтому я нахожу, что события и впечатления тех первых дней все еще неизгладимо запечатлены в моей памяти, хотя с момента их возникновения прошло уже более шестнадцати лет.

Наша рота пересекла границу между Германией и Бельгией 7 августа 1914 года. Короткий марш после пересечения границы привел нас к маленькой деревне. Солнце уже клонилось к закату, когда над колонной внезапно появился аэроплан. Мы никогда раньше не входили во вражескую страну и никогда не встречали врага. Все нервничали и были взволнованы событиями, которые, как все чувствовали, непременно должны были последовать. По этой причине все сразу же убедили себя, что самолет над вражеской территорией может принадлежать только врагу. Вдруг раздался выстрел, потом еще несколько выстрелов, и через несколько секунд стреляла уже вся рота. Затем где-то вдалеке послышались выстрелы пулеметов, затем в воздухе показались разрывы артиллерийских снарядов. Теперь все сомнения исчезли, — если стреляла артиллерия, то летчик просто обязан был быть врагом. Даже водитель полевой кухни выстрелил в бедного авиатора из пистолета. Летчик продолжал лететь еще некоторое время, а затем, казалось, опу-

стился на землю. Психологическое возбуждение было удовлетворено бешеной стрельбой. Люди громко кричали от радости, потому что им казалось, что они попали в него, и почти вся рота бросилась брать летчика в плен. Один за другим солдаты возвращались с глупыми выражениями на лицах, как молодая охотничья собака, тщетно преследующая кролика. На следующий день из дивизии был получен приказ, который начинался следующими словами: «Только лишь благодаря очень плохой стрельбе войск сегодня, два немецких летчика все еще живы...»

Тем временем стемнело, и встал вопрос, где рота будет ночевать. Для постоя в деревне было доступно тридцать-сорок домов, и было бы естественно и правильно использовать большинство из них. Но вспомните о существовавшем психическом состоянии. Правда в том, что ни один солдат противника еще не был услышан или замечен, однако, поскольку все находились во вражеской стране, люди верили, что враг может появиться в любой момент. Когда наступила ночь, она принесла с собой древнюю человеческую потребность в общении и то чувство безопасности, которое внушала численность. В результате вся рота была расквартирована в одном большом доме, и естественно, что долго никто не отдыхал.

Теперь встал вопрос о безопасности. В мирное время нас учили, что в открытом бою враг может приблизиться только ночью по неизвестной местности, двигаясь по дорогам. Поэтому в таких условиях, как у нас, оставалось только выставить на главных улицах караульные посты. Но все это было забыто. Задача охранения была возложена на один взвод численностью около восьмидесяти человек. Молодой командир взвода был взволнован так же, как и все остальные. Он быстро выставил в охранение весь свой взвод. Это означало, что одна треть его людей, всего тридцать человек, одновременно несли караульную службу, а остальные использовались в качестве смены. Вокруг всего дома были выставлены часовые. Выставив их, молодой офицер вернулся в дом.

Внезапно раздался выстрел, потом еще один, потом еще несколько одновременно. Затем пришло сообщение: «Бельгийцы идут!» Командир взвода выбежал на улицу к часовому и спросил его:

— Что случилось?

— Вон они, за тем кустом, — сказал часовой, стреляя. Ничего не двигалось. Теперь выстрел раздался в другом месте, потом в еще одном. Ничего не было видно. Офицер бегал от одного часового к другому, пытаясь их успокоить. Какое-то время все было тихо, но через несколько минут стрельба возобновилась. Как только один часовой выстрелил, несколько других сделали то же самое.

Позднее, во время войны, я часто испытывал чувство такой панической стрельбы, и как правило, для нее не было никаких причин. Особенно хороший пример произошел в сентябре 1916 года. Во время большого русского наступления под руководством Брусилова, я менял со своей ротой роту австрийцев. Командир австрийской роты сказал мне, что каждую ночь идут тяжелые обстрелы. Это оказалось правдой — едва наступила ночь, как русские начали стрелять. Моя рота состояла исключительно из опытных бойцов, которые уже побывали в большом количестве боев. Никто из моих людей не стрелял, потому что они не видели ничего, во что можно было бы стрелять. Они с нетерпением ждали нападения русских, однако ничего не произошло. На следующую ночь повторилось то же самое. На третью ночь стрельба стала заметно слабее, а через несколько дней ночью вообще прекратилась. Причина этого всегда одна и та же: психологическое воз-

буждение солдата удовлетворяется стрельбой. В результате люди истощают свои нервные силы и растрачивают боеприпасы.

Итак, это была наша первая ночь в Бельгии. Наконец она подошла к концу, и забрезжил рассвет. Командир взвода был убежден, что были сделаны сотни выстрелов. Люди обыскивали ближайшие окрестности, уверенные, что столь интенсивная стрельба, должно быть, привела к жертвам со стороны противника. Они искали, искали и наконец нашли — одну мертвую корову.

Вышеописанное событие произошло с исключительно хорошо обученными войсками. Причину нужно искать в психологии. Это было первое вторжение на враждебную территорию, и этот опыт для людей был новым; он повлиял на них не только как на солдат, но и как на людей.

На следующий день марш продолжился. Так как враг не был встречен накануне, люди рассудили, что они непременно встретятся с ним сегодня. Психологическое возбуждение снижается только после того, как человек прошел через свой первый бой. Рота шла во главе батальона. Молодому офицеру было приказано взять несколько своих людей в дозор и двинуться вперед, к деревне, лежащей в пяти километрах впереди. Он не получил никакой информации о противнике, потому что ее не было у самого командира роты.

Когда он приблизился к деревне, он не увидел никаких признаков жизни, — она казалась мертвой и заброшенной. Жаркое солнце светило с голубого неба; не было ни малейшего дуновения ветра; все было тихо, таинственно тихо. Что может быть в деревне? Казалось несомненным, что противник позволит немцам приблизиться, а затем внезапно откроет по ним огонь. Поэтому молодой офицер сошел с дороги и начал приближаться к деревне через небольшой овраг, чтобы добраться до этого таинственного места с фланга. Он часто останавливался и смотрел в бинокль. Однажды ему показалось, что он заметил в деревне какое-то движение, но потом все снова стихло. Теперь он подошел к садам за деревней. Каждую минуту он ожидал встречи с врагом. Скоро он сможет увидеть главную улицу. Желая понаблюдать за врагом, он начал ползти. Осторожно и медленно он пробрался через сад к дороге.

Там стоял батальон немецкого полка, входившего в состав его собственной бригады, который и провел ночь в этой деревне. Позже он выяснил, что его батальон находился почти в хвосте дивизии и что повсюду немецкие войска продвигались вперед.

Во время подобных переживаний человек учится очень быстро. Военнослужащие роты вскоре стали считать себя опытными солдатами. На самом деле для этого процесса требуются годы. Еще лучше сказать, что нет конца обучению, особенно на войне.

Следующий день принес долгий, утомительный марш к Льежу. Когда рота остановилась, было уже почти темно. Людей расквартировали в замке. После нескольких часов отдыха их разбудили. Было по-прежнему темно. Рота построилась, присоединилась к другим ротам батальона, и все быстрым шагом двинулись вперед. Людям сказали, что в этот день они должны будут штурмовать один из фортв Льежа. Внезапно они услышали страшный шум, а следом последовал громкий свист над их головами, который быстро нарастал, и казалось, что он вот-вот на них обрушится. «Это тяжелая артиллерия», — должно быть, подумало большинство из них, потому что большая часть роты упала на землю. Однако ничего не произошло. Это была наша собственная артиллерия, которая открывала огонь и это был первый настоящий снаряд тяжелой артиллерии, который они

услышали на войне. Несмотря на то, что все ужасно испугались, вскоре люди снова засмеялись, а те, кто лег на землю, устыдились.

В то время они не были достаточно опытны, чтобы решить, была ли это их собственная артиллерия или артиллерия противника; летел ли снаряд с фронта или с тыла. Позже они узнали все о снарядах; они смогли определять не только, был ли он их собственным или вражеским, но и смогли различать его калибр и тип орудия или гаубицы, из которой он вылетал. Вскоре они узнали, когда нужно укрываться. После долгого опыта они смогли отличать фугасный снаряд от газового. Те, кто служил на разных участках фронта, по звуку и интервалам между снарядами, смогли судить, была ли стрелявшая артиллерия английской, французской или русской.

К вечеру этого дня форт был взят штурмом.

Эти взаимосвязанные между собой вещи должны показаться тривиальными, однако многолетний опыт научил нас тому, что мы слишком мало знаем о мелких эпизодах войны, особенно о боевых действиях в начале войны. В мирное время мы учимся руководить ротами, батальонами, полками, даже дивизиями и армиями. Мы узнаем в книгах и на картах, как человек руководит и побеждает в битвах, но нас не учат мыслям, надеждам, страхам, которые бушуют в голове у фронтовика. Нам не говорят, как мы можем помочь ему в битвах, которые идут у него в голове.

Еще более серьезной, чем в прошлом, эта проблема будет стоять в будущих войнах, когда на поле боя будет править техника. Такие вещи нельзя изобразить на мирных маневрах. Мы можем учиться только на опыте или на аналогиях во время изучения военной истории. Как командиры, мы должны постоянно искать какие-то средства, чтобы подготовить наших солдат к таким серьезным психологическим ударам, которые наносит война по моральному духу и нервам.

Три важных урока, которые следует извлечь из этих маленьких историй:

(1) В начале войны солдаты всех чинов подвергаются сильнейшему нервному напряжению. Опасности видятся со всех сторон. Воображение буйствует. Поэтому учите своих солдат в мирное время тому, с чем они могут столкнуться на войне, ибо событие, заранее предвиденное и подготовленное, окажет небольшое, если вообще какое-либо, вредное воздействие.

(2) В качестве командиров, будьте осторожны как при отправке, так и при получении донесений. В начале войны девяносто процентов всех сообщений неверны или преувеличены. В мирное время, когда вы решаете задачи на карте, проводите полевые учения и военные игры, учитесь отдавать ложные или преувеличенные донесения; в противном случае ваши подчиненные привыкнут воспринимать всю информацию, которую они получают, за чистую монету.

Короткая история из моего собственного опыта проиллюстрирует этот момент.

Во второй половине того дня, о котором я уже говорил выше, меня послали патрулировать форт. Наконец я добрался до холма и, чтобы лучше видеть, взобрался на дерево. Мои люди остались внизу на земле. Внезапно раздался громкий треск, и артиллерийский снаряд разорвался прямо перед нами или в ветвях моего дерева. Это был первый вражеский артиллерийский снаряд, который я когда-либо слышал. В результате я с позором свалился с ветки на землю. Моей первой мыслью было: «Теперь я мертв». Однако, когда я упал на землю, мои кости сказали мне, что я вполне себе жив. Мои люди сбежали. Позже я узнал, что они убежали обратно в полк и, объясняя свое бегство офицерам, заявили, что я был убит. И этому сообщению поверили.

(3) Вы видели, как рота в первый же день войны вступила на вражескую территорию, не имея ни малейшего представления об обстановке. Еще в мирное время вы должны научиться тому, что в маневренной войне вы должны будете идти вперед, не имея достаточной информации о противнике. В противном случае, вы пошлете столь же глупого лейтенанта на разведку, который будет ползать по местности в течение нескольких часов и, наконец, обнаружит свои собственные войска.

ГЛАВА III

14-Я ГЕРМАНСКАЯ ДИВИЗИЯ В ПЕРВОЙ БИТВЕ НА МАРНЕ

После быстрого продвижения через Бельгию и Северную Францию немецкие армии в начале сентября 1914 года оказались растянуты по длинной дуге от Парижа до Вердена. В последние дни было много тяжелых походов. Немецкие солдаты все еще маршировали с рассвета до темноты; рюкзаки были тяжелыми, ноги болели, но все они знали старый принцип немецкой армии: «Сражения выигрываются ногами». Те, кто находился на передовой, чувствовали, что великая решающая битва еще впереди.

Главнокомандующий считал невозможным пройти мимо гигантской крепости Парижа, не выставив против нее охранение, поэтому 5 сентября он приказал первой и второй армиям повернуть направо против Парижа, чтобы обезопасить оставшиеся армии. Этот приказ застал Первую и Вторую армии в положении, показанном на рисунке 2. Движение, определяемое этим приказом, вкупе с решением французов прекратить отступление и атаковать правый фланг немцев, привело к битве на Марне.

Вначале я опишу события, увиденные солдатами на фронте, а затем расскажу о причинах, которые привели к этим событиям.

Проследим за молодым офицером, служившим в одном из пехотных полков 14-й дивизии, и за батальоном, к которому он был приписан (см. рисунок 1).

Пятого сентября 14-я дивизия, находившаяся на правом фланге Второй армии, совершила долгий марш, пройдя восточнее Монмирайль (Montmirail). Войска этого соединения переправились через реку Малый Морэн (Petit Morin) и провели ночь в небольшой деревушке к югу от реки. На рассвете 6 сентября с юга донесся громкий артиллерийский гул, однако вместо того, чтобы идти на звук орудий, дивизия двинулась на север. Люди были встревожены, поскольку не могли понять, почему они должны были идти в тыл, ведь до сих пор они всегда шли вперед. Они воевали всего один месяц, и им еще предстояло узнать все ее взлеты и падения.

Около полудня стало известно, что дивизия должна будет находиться в армейском резерве. Чуть позже по обеим сторонам основной дороги, ведущей из Шато-Тьерри (Chateau Thierry) в Фонтенель (Fontenelle), был сделан привал. Вскоре вернулось хорошее настроение. Солдаты были довольны тем, что оставались на месте весь день, потому что они уже достаточно хорошо узнали войну, и знали, что когда резервам дают отдохнуть, сражение должно идти очень хорошо. С наступлением ночи грохот артиллерии наконец стих.

Ранним утром 7 сентября дивизия совершила короткий марш в лес к югу от Артонж (Artonges). Здесь солдаты увидели нечто далеко не обнадеживающее — множество сильно поврежденных немецких обозных повозок, спешно возвращавшихся с фронта. Возницы рассказывали об отступлении немцев, о тяжелых потерях, о поражении. Люди начали беспокоиться об этой битве, о том, что они могли слышать, но не видеть.

Около 8 часов утра батальон, к которому принадлежал наш молодой офицер, занял позицию к юго-западу от Вильмуайен (Villemoyenne) и начал окапываться. Люди никак не могли взять в толк, в чем дело. До сих пор они гнали французов на юг. Вчера они

двинулись на север. Сегодня утром прошел слух, что их войска были вынуждены отступить. Теперь они окапывались, повернув фронт на запад — то есть к внешнему флангу. Где тогда могла быть Первая армия? Все указывало на то, что французы атакуют правый фланг Второй армии. Офицеры чувствовали эту тревогу среди своих солдат, однако времени на раздумья не было, так как в 11 часов утра пришел приказ прекратить рытье и начать форсированный марш на восток.

Целью их марша был Фромантьер (Fromentieres), расположенный за центром Второй армии. Марш был трудным, жарким и пыльным, и чтобы еще больше осложнить положение, батальону пришлось пересечь несколько длинных колонн с боеприпасами и снабжением. Около часа дня, еще не добравшись до Фромантьера, он остановился, после чего развернулся и зашагал обратно к окрестностям Артонж.

Подобные частые изменения производили на войска неблагоприятное впечатление. Было очевидно, что вышестоящие командиры не знали, что делать. Поскольку войска не обладали большим военным опытом, все эти, казалось бы, запутанные и колеблющиеся приказы нанесли серьезный удар по их моральному духу.

Около 5 часов вечера батальон вновь достиг окрестностей Артонж. В 8 часов вечера, когда офицеры все еще обсуждали события дня и пытались выяснить их причины, их настигло новое потрясение. Командир батальона сообщил им, что французы проникли в левое крыло армии и что они должны немедленно выступить на помощь левому крылу — без отдыха и без оглядки на маршевые потери.

Было совершенно темно, когда батальон начал этот вынужденный ночной марш на восток. Часть времени марш проходил по пересеченной местности. Каждые полчаса войска на пять минут удваивали темп, и бежали в два раза быстрее. Солдаты считали, что битва, должно быть, идет плохо, иначе в таком марше не было бы необходимости.

Около часа ночи батальон достиг своего конечного пункта близ Шампобер (Champaubert). Потери на марше оказались не очень тяжелыми, — в одной из рот, например, из строя вышло только 10 человек из 130. На войне маршевые потери в ночных маршах или во время отступления никогда не бывают тяжелыми. Причина проста: никому не нравится покидать свое подразделение, когда он не знает, где находится, или когда он боится быть схваченным.

В Шампобере солдаты повалились на землю и сразу же заснули, но после трех коротких часов отдыха их подняли. Они рассчитывали начать атаку днем, однако вместо этого их снова отправили на восток. Никто не знал почему.

Теперь мы кратко рассмотрим причины этих передвижений.

Пятого сентября левое крыло Первой армии находилось южнее расположения Второй армии (рисунок 2.) Если бы поворот, указанный в приказе главнокомандующего, был бы осуществлен, то VII корпус и его 13-я и 14-я дивизии оказались бы в тот момент на фронте избыточными, и поэтому его вывели в армейский резерв и передвинули к северу от Монмирайль, чтобы освободить ось поворота армии. Тем временем другие корпуса должны были развернуться вправо по большому кругу.

Однако 6 сентября все корпуса, шедшие на юг, оказались вовлеченными в сильное сражение, и 13-я дивизия должна была помочь ведущему тяжелый бой IX корпусу. Таким образом, в армейском резерве осталась только 14-я дивизия. В тот же день стало ясно, что IV резервный корпус не может самостоятельно обеспечить фланг армии на реке Урк (Ourcq), поэтому Первая армия была вынуждена перебрасывать к этой реке с юга один свой корпус за другим; наконец, дело дошло до переброски даже III и IX корпусов. Так

в 14-й дивизии разнесся слух об отступлении.

Брешь, образовавшаяся в результате этих передвижений, была обеспечена лишь несколькими кавалерийскими дивизиями. Подобная ситуация заставила правое крыло Второй армии податься назад, а наступление, чтобы реализовать принятое ранее решение, продолжалось только ее левым крылом. После этого на долю 14-й дивизии, находившейся за правым флангом армии, и выпала задача обеспечить этот фланг. Это объясняет то, почему ей было приказано окопаться фронтом на запад. Тем временем на фронте всей армии началась кровопролитная борьба. Естественно, командующий армией пожелал, чтобы его резерв находился за центром фронта, чтобы он имел возможность ввести его в бой там, где он мог бы потребоваться. Поскольку текущие донесения, поступавшие из промежутка между Первой и Второй армиями, не указывали на то, что положение там складывается критическое, он отдал приказ о таком передвижении. Отсюда и поход на Фромантьер. Однако едва эта переброска была завершена, как армия получила свежую информацию, указывающую на необходимость немедленного обеспечения правого фланга. В результате 14-я дивизия получила приказ снова вернуться назад за правый фланг армии. Позже, вечером 7 сентября, в штаб армии поступили дополнительные сведения о том, что французы проникли в стык между X корпусом и гвардейским корпусом, поэтому единственный имеющийся в наличии резерв, 14-я дивизия, должен был совершить трудный ночной марш.

Положение на то время (вечер 7 сентября) было таково: правое крыло Второй армии отступило, но французы и англичане следовали за ним очень медленно. Однако на левом фланге, по-видимому, находилось слабое место во вражеском фронте. В этом месте можно было бы прорвать французскую линию обороны, но для этого нужно было действовать быстро, так как положение на правом фланге могло измениться очень быстро. К этому времени стало ясно, что в том месте, где находилась 14-я дивизия, в ней не было никакой непосредственной необходимости, и поэтому, поскольку это был единственный имеющийся резерв, ранним утром 8 сентября ее подняли по тревоге, чтобы выиграть сражение.

Давайте рассмотрим этот опыт 14-й дивизии чуть глубже.

Пятого сентября немецкие руководители считали, что они противостоят врагу, который постоянно отступал, и на этом предположении они основывали свои решения. Поэтому 6 сентября для немцев было удивительно обнаружить, что французы больше не отступают и даже начинают контратаки. Подобного незнания намерений и действий противника всегда можно ожидать, — в открытом бою мы никогда точно не узнаем, где находится враг, насколько он силен или что он собирается делать. Война — это не такая простая задача, как игра на карте. Командиры почти всегда должны отдавать приказы без точной информации. Наша задача и наша воля часто являются единственными вещами, не затронутыми неизвестностью, зачастую они будут составлять нашу единственную основу для боевого приказа. Если командир ждет полной информации перед тем, как отдать приказ, он никогда его не отдаст.

Мы видели, что 5 сентября вторая армия получила приказ обеспечить прикрытие против Парижа. Этот приказ необходимо было отдать немедленно, хотя Генеральный штаб и располагал весьма скудной информацией. Это решение оказалось правильным. Через два дня 14-й дивизии было приказано совершить трудный ночной марш с правого фланга на левый. В этом случае решение армии основывалось на ложных сведениях, и дивизия была вовлечена в ненужные усилия. На войне большая часть информации ложна

или вводит в заблуждение, поэтому мы должны тщательно взвешивать все сообщения, прежде чем принимать их.

Из-за неопределенности, присутствующей на поле боя, и отсутствия информации о противнике крайне важно, чтобы командир держал резервы. Но резервы предназначены для использования, — в бою только сражающийся солдат приносит преимущество. По мере того как меняется информация о противнике, командир склонен перемещать свои резервы в соответствии со своим сиюминутным представлением об обстановке. В приведенном выше примере 14-я дивизия, которая являлась армейским резервом, и была перемещена подобным образом. Ее различные передвижения, некоторые из которых были необходимы, а некоторые нет, иллюстрируют тот факт, что на войне будет много маршей и контрмаршей, причины которых войска не будут понимать, поэтому их нужно научить ожидать и относиться к ним спокойно. Конечно, командир всегда должен учитывать тот факт, что бесполезные марши не только снижают физические возможности его войск, но и серьезно влияют на их моральный дух. С другой стороны, солдат следует заставить понять, что меняющиеся условия боя часто приводят к маршам, которые впоследствии оказываются ненужными. Их нужно научить переносить это спокойно и стойко.

Позвольте мне повторить пару исключительных уроков, которые следует извлечь из вышеизложенного:

1. В открытом бою командир должен отдавать приказы, не имея полной информации. Временами ясна только его собственная воля. Если он ожидает полной информации, прежде чем начать действовать, он никогда не примет решения.

2. Сила и моральный дух резервов должны быть сохранены, чтобы в полной мере воспользоваться их свежестью, когда они, наконец, будут вводиться в дело.

Вторая часть нашего повествования будет посвящена атаке, предпринятой одним из батальонов 14-й дивизии. Перед дивизией в этой атаке стояла сложная задача, которая должна была решить исход сражения, — она должна была форсировать широкое болото реки Малый Морэн к югу от деревни Жош (Joches) (см. рисунок 3).

Местность была настолько неблагоприятной, насколько это было возможно. Через болото, непроходимое даже для пеших войск, вела единственная дорога. Французы, располагавшиеся к югу от болота, могли обстреливать из артиллерии и пулеметов и деревню Жош, и эту дорогу. Длинный ряд высоких деревьев за болотом мешал немецкой артиллерии наблюдать за холмом 154.

Двигаясь с севера, батальон, о котором мы говорим, около 8 часов утра 8 сентября достиг северной окраины деревни Куазар (Coizard) и приготовился к действиям в садах у этой деревни. День был очень жаркий. Сверкающее в голубом небе яркое солнце слепило глаза. Молодой офицер, командовавший 2-й ротой, двинулся к южной окраине деревни, чтобы разведать местность перед позицией своего подразделения. Отсюда он мог видеть деревню Жош, грозное болото, а за болотом — высоту 154, с переплетавшими ее живыми изгородями и усеянную снопами пшеницы. На холме он распознал нескольких французов, так как их красные штаны были хорошо заметны в лучах утреннего солнца. Никто не стрелял. Позади себя он увидел несколько немецких батарей, только что подошедших к своим позициям, и услышал, как его солдаты поют песню.

Около девяти часов утра первые разведчики покинули Жош и поспешили вперед, чтобы пересечь болото. Французы немедленно открыли огонь по дороге и деревне из артиллерии, пулеметов и винтовок. Молодой офицер, продолжая наблюдать, увидел, как

разведчики прыгнули в канаву к востоку от дороги и поспешили дальше. В этот момент его вызвали обратно в роту, где командир батальона отдал ему следующий приказ:

«Один батальон соседнего полка начинает переправу через реку Малый Морэн. Наш полк пойдет следом, 2-я рота в авангарде. Объект атаки — деревня Брусси-Ле-Пти (Broussy le Petit)».

На этом все.

Офицеры и солдаты роты не знали ни местонахождения противника, ни его сил. Им не сказали, будут ли они поддержаны артиллерией. Они не знали, кто находится справа или слева от них. Они знали только, что должны атаковать и что за болотом они встретят французов. Таков всегда был наш опыт ведения боя, будь то на Западном фронте или на Восточном фронте, в Румынии или на Кавказе: когда начиналось наступление, мы всегда располагали лишь скудными сведениями о противнике.

Перед началом атаки командир роты приказал своим людям стрелять, сохраняя спокойствие и с правильной установкой прицела. Он сказал это, поскольку в предыдущих боях заметил, что многие солдаты в сильном возбуждении забывают взять надлежащую поправку прицела. Затем рота двинулась вперед и вскоре достигла деревни Жош.

Французская артиллерия обстреляла деревню, но рота преодолела ее с ходу, не понеся потерь. Достигнув южной окраины деревни, стало видно, что крайние подразделения передового батальона болота еще не пересекли, поэтому командир роты убрал свою роту с дороги, чтобы укрыться за ближайшим зданием. Отсюда он видел, как замыкающие отделения батальона бежали вперед по придорожной канаве, при этом нескольких солдат поразило при переходе через мост. Французская артиллерия стреляла, как дьявол, по дороге и по деревне Жош, которая вскоре начала гореть. Рота сгрудилась и лежала позади своего командира. Никто не разговаривал, все смотрели только на него. Внезапно, с ужасным грохотом, в середину роты упал снаряд, убив и ранив десять человек. Все люди вскочили, поднялась большая суматоха. Внезапно прямо посреди роты верхом на лошади появился командир бригады. Спокойно покуривая сигару, как будто ничего не случилось, он скомандовал:

«2-я рота, ложись! Надеюсь, я больше не увижу подобной картины. Если же это случится, я буду вынужден задержать некоторых из вас, когда мы вернемся в наш гарнизон».

Такое необыкновенное хладнокровие произвело на войска изумительное действие. Рота быстро залегла, построилась в линию взводов и как можно быстрее двинулась вперед по придорожной канаве. К десяти часам утра она пересекла болото и мост, потеряв еще только троих.

На другой стороне болота командир роты собрал каждый взвод по отдельности. Убитые и раненые из других подразделений валялись на земле вдоль длинного ряда деревьев. Командир роты не имел ни малейшего представления о том, где находится противник и где находятся его собственные поддерживающие войска. Он слышал только стрельбу за деревьями. Над ними постоянно свистели снаряды, пулеметные и винтовочные пули.

Рота двинулась вперед двумя взводами, в то время как третий укрылся среди деревьев. Как только передовые подразделения покинули укрытие, предоставляемое деревь-

ями, они попали под сильный огонь. Командир роты, увидев немецких солдат, стрелявших примерно в 100 метрах впереди него, бросил свой взвод примерно на 50 метров вперед цепи и открыл огонь. Здесь наступление было остановлено пулеметным огнем с «Фермы Верьери», находившейся на левом фланге. Поскольку этот огонь наносил большие потери, командир роты послал посыльного в свой третий взвод с приказом штурмовать ферму. Через полчаса этот неприятный фланговый огонь прекратился. На следующий день стало известно, что третий взвод занял ферму с небольшими потерями.

Тем временем рота вела огневой бой, но у французских позиций не было видно ничего, кроме небольшого дыма, поднимавшегося от изгородей и снопов пшеницы.

Командир роты, находясь, среди двух штурмовых взводов, заметил, что солдаты из других рот смешались с его личным составом. Примерно в это же время стрелковая цепь была усилена с тыла, и солдаты роты, за которой мы следуем, смешались с ротами двух других полков. Все они лежали в одну линию. Ряд деревьев, находившихся немного позади, казалось, был местом сбора всех войск, пересекавших болото. К исходу полудня все подразделения оказались безнадежно перемешаны. Не было никакого руководства; все офицеры были на передовой и могли видеть только небольшое расстояние справа и слева. У них было недостаточно опыта, чтобы понять, что местом командиров рот и вышестоящих подразделений является далеко не первая линия.

Так получилось, что три смешавшихся батальона вступили в бой на фронте 700 метров. Поддержка артиллерии, ослабленной плохими условиями для наблюдения, была неэффективна. Несмотря на постоянные атакующие усилия, линия продвинулась вперед не более чем на 100 метров. Около часа дня крайний батальон полка выдвинулся по правой стороне дороги, но и он был остановлен французской артиллерией и ружейным огнем.

Хотя люди стреляли спокойно, была видна некоторая напряженность из-за того, что они не могли продвинуться вперед.

Внезапно, около половины третьего пополудни, батарея немецких легких полевых гаубиц галопом вылетела из горящей деревни Жош и приблизилась к мосту. Французская артиллерия стреляла изо всех сил, но батарея благополучно миновала мост и заняла позицию в 300 метрах позади пехоты. С этой позиции она открыла быстрый и эффективный огонь. В это же время на линию прибыли несколько рот другого пехотного полка. Офицер, чувствуя, что настало время принять решение, крикнул своему горнисту, лежавшему рядом с ним: «Давай сигнал к атаке».

Трубач спокойно встал и протрубил сигнал, который был хорошо известный солдатам. Другие горнисты повторили призыв. По всей линии солдаты вскочили, пригнули штыки и с громким криком бросились вперед. Однако французы были храбрыми людьми и стояли стойко. Их огонь стал еще интенсивнее, но критический момент для немцев миновал. Теперь, когда они атаковали, они были полны энтузиазма и решимости не останавливаться. Атака оказалась успешной. Некоторые французы бежали прежде, чем нападавшие достигли их позиций; остальные пали, честно сражаясь, или попали в плен.

С вершины холма 154, который они завоевали, немцы смотрели вниз на деревню Брусси-ле-Пти, к которой отступали французы. Все думали: «Мы победили, битва окончена. Теперь мы начнем преследование, чтобы гнать французов дальше». Не дожидаясь приказа, они бросились вниз по склону, чтобы захватить деревню.

Внезапно они попали под ужасный пулеметный огонь из долины, находившейся

перед их фронтом. В то же самое время французская артиллерия открыла по ним огонь со всей своей силой. За несколько минут немцы понесли огромные потери и были вынуждены остановиться и залечь. Они попытались укрыться, но это было невозможно, так как они находились на склоне холма, понижавшегося в сторону врага. Они попали в огненный град. Их собственная артиллерия не могла помочь, так как не вела наблюдения за долиной, находившейся перед пехотой.

В это время наш молодой офицер оказался в окружении людей из дюжины разных подразделений. Никто не принадлежал к его собственной роте. Чтобы усугубить трудности этого критического момента, немецкая артиллерия внезапно начала бросать снаряды прямо в гущу своих войск. Это было уже слишком. Сначала лишь несколько солдат начали возвращаться на другую сторону холма, чтобы укрыться, но вскоре их становилось все больше и больше. Офицеры и некоторые унтер-офицеры вскочили, чтобы удерживать солдат от отступления, но им лишь частично удалось остановить движение в тыл.

Причину такого отступления следует искать в психологии. Люди прошли через вынужденный ночной марш и тяжелую борьбу в течение всего утра. После их успешной атаки они думали: «Битва окончена; нам остается только преследовать; наша работа сделана». Потом пришла эта ужасная усталость и тяжелые потери. Наконец среди них упали снаряды их собственной артиллерии. Накопление разнообразных и неожиданных событий оказалось слишком тяжелым испытанием для этих солдат, еще молодых в военном деле и не подготовленных к боевым действиям.

Все больше и больше солдат возвращалось назад. Начинало казаться, что вся линия вот-вот разорвется, как вдруг шесть конных орудий галопом проскакали вперед по гребню, выдвинулись прямо на передовую линию и вступили в бой. Это придавало всем новую смелость. В то же время свежие роты двинулись вперед, и снова горны возвестили атаку. Это был подходящий момент. Все люди вскочили и бросились на врага, который находился всего в четырехстах ярдах от них. После нескольких острых рукопашных схваток французы отступили по болотистой местности к деревне Брусси-ле-Пти. Однако к этому времени наступила ночь, и деревня не могла быть взята. Немцы провели ночь на тех позициях, до которых они добрались, но отдых был небольшой. За ночь части были реорганизованы, полевые кухни доставили горячее питание, а раненых отправили в тыл.

Девятого сентября около 4 часов утра — было еще темно — разведчики сообщили, что в Брусси-ле-Пти французов нет. Наш командир роты сразу же поднял свою роту, отправил сообщение командиру батальона и двинулся вперед к деревне. Войдя в нее без сопротивления, он направился к холмам за ней. Даже с вершины этих холмов он не мог увидеть противника, но в этот момент он получил приказ от своего командира батальона остановить наступление и ждать дальнейших указаний. Около часа ночи он получил приказ отойти за болото. Ни командир, ни его люди не могли понять этого, так как чувствовали, что сражение накануне они выиграли.

Они отступили, не испытывая никакого огня со стороны противника, пересекли болото и окопались за ним. На следующую ночь они начали отступление. Битва на Марне закончилась.

АНАЛИЗ

В мою задачу не входит обсуждение причин этого отступления, я буду заниматься

только рассмотрением событий этой акции и извлеченных из нее уроков.

Потери 8 сентября были очень тяжелыми. Рота нашего молодого офицера потеряла 62 человека из ста двадцати, с которыми она вступила в бой, т.е. более 50 процентов.

В этом бою проявляется большинство факторов, характерных для первых месяцев войны. Давайте проанализируем некоторые из них.

(1) Вы помните плохой приказ об атаке, полученный этой ротой. Это был единственный приказ, который она получила за весь день. Хотя наши командиры долго слушали и были хорошо обучены отдавать приказы, мы получили лишь один приказ, и тот оказался плохим. Причина этого становится ясной, если вспомнить, что наши полевые учения и военные игры в мирное время основывались на хорошей информации о противнике. Но здесь информация отсутствовала, и командиры не знали, что делать. Возможно даже, что они считали, что у врага отсутствуют серьёзные силы, потому что у него не было боевого порядка. И в этом есть ценный урок. Наши полевые учения, наши занятия на картах и наши военные игры должны проводиться с как можно меньшим количеством информации о противнике. Тогда наши тактические задачи в мирное время будут более точно соответствовать реалиям войны.

(2) Следует также помнить, что в самом начале атаки все подразделения смешались. В чем же была причина? Каждое подразделение, сразу же после перехода через болото близ Жош, поспешило вперед, не дожидаясь остальных войск. Результатом стало сближение подразделений на узком участке фронта и их перемешивание. Рота за ротой, батальон за батальоном, войска шли в атаку и были остановлены. Урок, который можно извлечь из этого, состоит в том, что необходимо хорошо готовить свою атаку. Время, посвященное такой подготовке, нельзя считать потерянным зря. В нашем примере, после пересечения единственного доступного моста, различные подразделения должны были укрыться и ждать, пока наступление не будет скоординировано и развернуто на широком фронте.

(3) Все люди, хотя и хорошо обученные и обладавшие высоким моральным духом, были неопытны в войне и сильно реагировали на ранние впечатления. Причина может заключаться в том, что они не были психологически подготовлены к суровым испытаниям, которые им предстояло пройти. Вывод, который следует сделать из этого, очевиден: мы должны научить наших людей в мирное время, что сражения сильно отличаются от маневров, и что часто будут возникать критические периоды, когда все, кажется, идет не так. Чрезвычайно трудно научить людей тому, чего следует ожидать на войне, но чего-то в этом направлении можно достигнуть, если мы будем изучать военную историю и преподавать ее уроки нашим солдатам.

(4) Офицеры должны лично руководить своими войсками и подавать им пример. Восьмого сентября именно батарея, возглавляемая офицерами, и смело выдвигавшаяся на передовые позиции, была ответственна за успех операции. На других этапах сражения точно так же находились офицеры, возглавлявшие наступление. Это не значит, что всем офицерам подобает или выгодно находиться на передовой, где наблюдение и знание боя ограничиваются несколькими сотнями метров вправо и влево, однако будет много случаев, когда офицеры должны подавать пример, чтобы вдохновить свои войска на наступление или удержание позиции перед лицом почти неминуемой смерти.

ВЫВОДЫ

В заключение я хотел бы подчеркнуть следующие выводы:

(a) Сила резервов должна быть сохранена к моменту принятия решения.

(b) Офицеры и солдаты должны быть подготовлены в мирное время к психологическим впечатлениям войны путем изучения и преподавания военной истории.

(c) Войска должны иметь личное руководство и пример от своих офицеров в бою, но не все офицеры должны быть настолько вовлечены в передовую линию фронта, чтобы их усилия не были локализованы на узком участке и чтобы они могли управлять своими подразделениями в целом.

(d) Планы и диспозиции для атаки должны быть тщательно продуманы. Современная атака требует достаточного времени для подготовки.

(e) Когда этого требует обстановка, решения должны приниматься быстро, не дожидаясь хорошей информации. Полевые учения, тактические задачи на картах и военные игры должны основываться на плохой информации о противнике. Если в реальной войне мы получим лучшую информацию, то мы легко проведем время.

ГЛАВА IV

УКРЕПЛЕНИЕ НЕОБСТРЕЛЯННЫХ ВОЙСК ЗАКА- ЛЕННЫМИ ВЕТЕРАНАМИ

Я уже говорил об уроках, которые немецкая армия, имея хорошо обученные, но неопытные войска, выучила в первые дни войны на Западном фронте. Давайте теперь рассмотрим дальнейший опыт работы с молодыми войсками, однако на этот раз полученный в совершенно иных условиях.

Вскоре после начала военных действий, в Германии было сформировано несколько новых корпусов, которые позже осенью были отправлены во Фландрию, для прорыва вражеской линии фронта. Эти корпуса формировались из добровольцев, и состояли в основном из студентов университетов. В одном строю плечом к плечу стояли целые классы вместе со своими профессорами. Не скоро найдешь равных им по энтузиазму и моральному духу, однако их подготовка была явно недостаточной. Она проводилась офицерами, которые в течение многих лет были в отставке, или офицерами запаса, которые были слишком стары, чтобы сражаться вместе с действующими полками. В октябре и ноябре 1914 года эти старые офицеры повели новые корпуса в бой во Фландрии, где они встретились с активным противником, который к этому времени имел несколько месяцев опыта ведения войны. Новые немецкие части атаковали с огромным напором, солдаты сражались как герои, но несмотря на невероятно высокие потери, все их усилия потерпели неудачу.

Теперь встал вопрос о том, чтобы в кратчайший срок выставить на поле боя еще одни корпуса. Ошибки, допущенные с корпусами октябрьского формирования, не должны были повториться, и в результате, в первых числах января 1915 года в эти новые соединения были переведены офицеры, унтер-офицеры и солдаты, уже имевшие значительный боевой опыт. Как правило, это были офицеры после ранения, возвращавшиеся теперь на фронт из госпиталей, и имевшие определенный боевой опыт. Такой же опыт был и у многих унтер-офицеров и солдат. Состав новых частей был таков, что боевым опытом обладали все офицеры, около трети унтер-офицеров и от одной пятой до одной шестой части солдат. Эти войска проходили подготовку в составе подразделений на протяжении всего трех недель, затем их собрали в дивизии и провели два учебных дивизионных учения, после чего перебросили в Восточную Пруссию для участия в зимней битве на Мазурских озерах.

Примерно 10 февраля один из таких молодых полков отошел к северу от Инстербурга и вошел в маленькую деревушку под названием Крауляйдшен. Здесь он оставался два дня, на протяжении которых люди отдыхали. Было ужасно холодно, высота снежного покрова была около трех футов. В каждом отделении было по одному-два человека, которые уже побывали на фронте, остальные были молодежью возрастом от двадцати до двадцати двух лет. В каждом доме было несколько таких опытных солдат, и молодые солдаты постоянно собирались вокруг этих ветеранов, внимательно слушая их рассказы. Все эти истории, естественно, имели отношение к войне, к тому, что она собой представляла и чему научились старые солдаты. Теперь они гордились тем, что были старыми опытными ветеранами, и особенно тем, что могли обучать новичков, которые ничего не знали о войне.

Они твердили: «Мы хотим рассказать вам о настоящей войне. Слушайте нас, мы видели вещи, совершенно отличные от этого». А после начинали новую историю. Или, говорили они: «Мы воюем теперь под командованием Гинденбурга, который уже столько раз побеждал русских. Если нами командует Гинденбург, мы обязательно победим. Только подождите и увидите; мы захватим тысячи русских».

Такую уверенность в своем командующем разделяли и офицеры. Всех вдохновляло то, что они сражались под командованием Гинденбурга. Слава его гремела уже тогда — он выиграл битву при Танненберге, этих современных Каннах, разбил русских на Мазурских озерах и провел две великолепные кампании в Южной Польше и под Лодзью. Офицеры смотрели в будущее с величайшей уверенностью.

После восхитительного отдыха марш к фронту был возобновлен. Марш проходил в холодную погоду, был долгим и ужасно тяжелым по глубокому снегу. Колонны часто останавливались, а затем, после коротких проверок, шли дальше. Но время от времени возникала мысль: «Нас ведет Гинденбург, это все, что нам нужно». Ночью полк прибыл к фронту и стал в тыловом районе. Там было несколько необорудованных траншей, в которых располагалась лишь горстка старых ландштурмовцев. Русские находились на опушке леса примерно в 400 метрах от нас. На всей линии фронта было тихо, только несколько артиллерийских снарядов разорвались ночью.

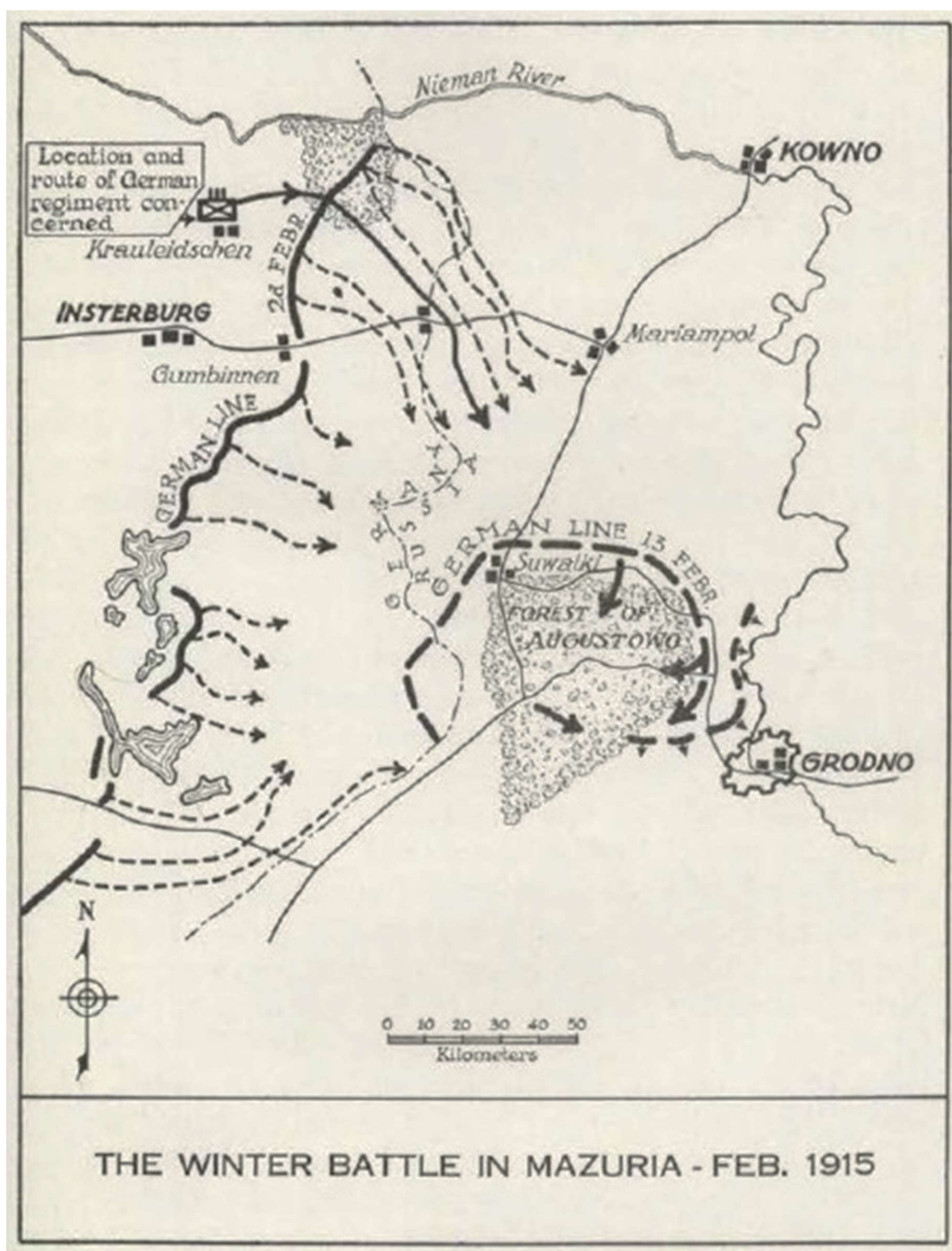
Было еще темно, когда немцы вошли в окопы. За удивительно короткое время роты были переформированы для атаки, и каждый занял свое место в строю. Никто не задавал никаких вопросов, не возникло никакой путаницы. Повсюду можно было видеть старых ветеранов за работой, показывающих своим молодым товарищам, как себя вести, и говорящих им, что они должны делать. Они точно знали, что будет дальше. Время от времени кто-нибудь говорил: «Слушайте меня, и у вас не будет никаких проблем». Это успокаивало молодых неопытных солдат, они больше не беспокоились о будущем.

Когда рассвело, немцы пошли в атаку. Русские были захвачены врасплох, огонь их пехоты оказался слабым, артиллерия почти не стреляла. Через несколько минут немцы уже оказались в их окопах. Было приятно видеть, как атакуют молодые новобранцы. Они внимательно наблюдали за своими старыми опытными товарищами и делали то, что они указывали. Это была короткая акция, и немцы одержали победу, после чего тотчас же началось преследование. Теперь молодые солдаты доверяли своим закаленным товарищам больше, чем когда-либо, а те, в свою очередь, доверяли своим командирам. И наконец, все говорили: «Мы сражаемся с Гинденбургом!»

Кроме разрозненных отрядов, на нашем фронте противника больше не было. Время от времени на пути попадались несколько русских, но их сопротивление быстро преодолевалось. Движением вперед продолжалось весь день по густо поросшей лесом местности. По-прежнему было очень холодно, и хотя солдаты шли по хорошей дороге, снег был таким глубоким, что людей во главе колонны приходилось сменять каждые тридцать минут. Но они продолжали идти днем и ночью, но не на восток, а на юг. Несмотря на тяжелые ранцы и трудный путь, боевой дух у этих солдат, одержавших победу, был необычайно высок. Они полагали, что этот долгий и тяжелый марш организован для того, чтобы окружить русских, ведь разве не так Гинденбург расправился с врагом под Танненбергом?

На самом деле они совершенно правильно оценивали ситуацию — армии удалось прорвать южный фланг противника, была одержан тактический успех и теперь речь шла

о том, чтобы превратить его в стратегическую победу. В соответствии с первоначальными планами победоносные фланги теперь стремились окружить русский центр, который удерживался на позиции повторяющимися атаками. Для этого обоим флангам необходимо было совершать огромные марши.

Наконец солдаты подошли к довольно крупному городу. Они уж было обрадовались перспективе расположения на постой в комфортных местах, когда колонна внезапно свернула с главной дороги и двинулась на восток. Когда некоторые из молодых

новобранцев начали ворчать, старые опытные солдаты одергивали их: «Вы, тупые новобранцы, неужели вы умнее Гинденбурга? Что вы знаете о войне? Если мы удовлетворены, то и вы должны быть довольны. Мы проводили марши, когда вы еще сидели дома за завязками фартука своей матери».

Наступило утро, но марш продолжался. Землю окутывал густой туман, было невозможно что-либо увидеть далее чем на 100 метров в любом направлении. Внезапно колонна остановилась. В одном из батальонов были собраны командиры рот, и командир батальона отдал следующий приказ: «Примерно в двух километрах перед нами проходит основная дорога, ведущая в Россию. Вполне возможно, что на ней мы встретим противника, пытающегося отойти на восток. Батальон разворачивается, выдвигается к этой дороге и овладевает ею. 3-я и 4-я роты идут впереди, продвигаясь по обоим сторонам дороги, по которой мы сейчас движемся. 1-я и 2-я роты идут по этой дороге следом на дистанции 500 метров. Я буду находится во главе 1-й роты».

Приказ не содержал никакой информации о противнике, потому что никакой информации и не было, но все же, несмотря на это, решение должно было быть принято. Этого требовала общая обстановка. Нужно было отдать приказ.

Передовые роты начали наступление, каждая имея по одному взводу в передовой линии и два в резерве. Я считаю, что решение разместить в передовой линии лишь один взвод было правильным, поскольку никто не знал, что произойдет в ближайшие несколько минут. Вперед двинулись разведчики, от каждого взвода было выслано по две пары, каждая пара разведчиков включала в себя одного опытного солдата и одного новобранца.

Двигаясь подобным образом, роты приблизились к дороге. Внезапно один из молодых новобранцев прибежал обратно, доложив: «В трехстах метрах перед нами проходит дорога. Русские идут по этой дороге маршем на восток». В тот же миг вперед на коне выехал командир батальона. Он просто приказал: «Атакуйте немедленно!»

Роты продолжали свое движение вперед. Внезапно они увидели прямо перед собой дорогу, запруженную обозами и артиллерией, двигавшимися на восток. Раздался крик, прозвучало несколько разрозненных выстрелов, и немцы бросились в атаку. В следующее мгновение они оказались уже на дороге, среди русской артиллерии и обозов, где царила ужасная неразбериха. Русских захватили врасплох, и мысль о сопротивлении даже не пришла им в голову. Несколько лошадей были убиты, а несколько русских солдат скрылось в тумане. Остальные были взяты в плен со всем своим оружием.

На следующий день дивизия попыталась двинуться на юг, но потерпела неудачу, потому что артиллерия и обозы не могли справиться с плохими дорогами и глубоким снегом. Попытка атаковать повторно тоже не удалась. После этого было решено, что пехота должна продвигаться на юг, сопровождаемая только несколькими пушками,пряженными двойными упряжками.

Решение оставить большую часть артиллерии позади может показаться читателю опасным, но я считаю, что оно было оправданным. Немцы вели преследование, и там, где им противостоял разбитый противник, можно было решиться почти на все. Все должно было быть принесено в жертву скорости, чтобы настигнуть русских, в такой ситуации главное были ноги, а не пушки.

Последовали долгие трудные дни марша, оказавшиеся особенно тяжелыми, потому что полк целую неделю оставался без полевых кухонь. Наконец он оказался в районе чуть севернее Сувалок. Там, после короткой стычки с русским фланговым охранением,

полк снова повернул на восток, часто совершая ночные марши. В конечном счете он вышел в тыл русских, оказавшихся окруженными со всех сторон немецкими войсками.

На протяжении нескольких дней подразделения этого полка находились в особом положении. Окруженные русские постоянно стремились вырваться из леса близ Августово на восток, в то время как из крепости Гродно были предприняты атаки в западном направлении, чтобы помочь им. Немцы стояли между ними, и поэтому им приходилось сражаться на два фронта. В то время как этот полк, усиленный артиллерией, сражался фронтом на восток, к Гродно, остальная часть дивизии стояла фронтом на запад, к лесам. В течение нескольких дней полк слышал грохот вражеских пушек за своей спиной, встречая врага перед своим фронтом. Обстановка была не самая приятная, но в тот период вновь появились полевые кухни, и это событие значительно повысило боевой дух полка.

Как-то раз в ясный полдень русские атаковали со стороны Гродно. Земля была покрыта снегом, и на расстоянии 1100 метров немцы могли разглядеть каждого человека. Ни в одном месте русские не могли найти укрытие, засекалось любое движение, которое они делали, и потому их атака была отбита с большими потерями. На следующее утро они снова атаковали, но на этот раз в плотную снежную бурю. В этот раз они оказались прямо перед немцами прежде, чем их заметили. Элемент внезапности был достигнут русскими, которых удалось отбросить только после серьезного боя.

Тем временем русские части, находившиеся в лесу, были вынуждены сдаться. Было захвачено около 90 000 пленных и 200 орудий. Русская X армия была уничтожена.

Анализируя реакцию этих молодых солдат в различных условиях этой кампании, можно выделить четыре важных урока.

(1) У них был командующий, само имя которого внушало доверие. В начале войны у нас редко будет возможность иметь проверенного командира, но у нас должен быть кто-то, в ком войска будут уверены. Скорейшее завоевание такого доверия должно стать целью каждого командира. Если он этого достигнет, то сможет потребовать от своих людей все, что угодно.

(2) Немецкие войска были молоды и прошли лишь короткий период обучения. Новобранцы были призваны в армию в октябре 1915 года и поэтому имели за плечами всего лишь три месяца подготовки. Однако их усилили людьми, которые уже имели некоторый боевой опыт и которые, по крайней мере, знали те первые впечатления, которые приносит война. Эти ветераны считали себя наставниками своих молодых товарищей, они чувствовали за них определенную ответственность. Благодаря этому чувству ценность старых солдат заметно возросла, в то время как неопытные люди под их руководством быстро обучались. Хотя опытом обладала только четверть людей, их влияния оказалось достаточно, чтобы придать всей организации характер ветерана. Позже, на протяжении войны, я неоднократно наблюдал подобное влияние в действии, и оно всегда приводило к одному и тому же результату. Например, в сентябре 1915 года, в конце нашего большого русского наступления, роты нашего батальона сократились всего до двадцати человек. Каждая рота получила от сорока до пятидесяти человек в качестве пополнения, а через несколько дней прибыло еще двадцать. После нескольких дней марша мы снова вступили в бой, и отличить старых людей от новых оказалось почти невозможно. Ротный дух, похоже, автоматически вселяется в новобранца. Они доверяют своим более опытным товарищам и очень быстро учатся на их рассказах и поступках.

Что мы можем извлечь из этих фактов в качестве уроков на будущее? По моему

мнению, это одна из чрезвычайно важных вещей. В начале войны новые войска будут набираться и обучаться во всех странах и, естественно, вступят в бой позже, чем действующие войска — часто на месяцы позже. Если мы придадим этим неопытным войскам костяк опытных солдат и опытных командиров, то их эффективность значительно возрастет, что позволит избежать тяжелых потерь.

(3) Напомню, что в то туманное утро, когда батальон внезапно был остановлен, его командир отдал короткий, но взвешенный приказ, хотя о противнике не было никакой информации. Этот командир батальона извлек уроки из своего недавнего военного опыта. Он знал, что незнание врага — это нормальная вещь, он понял, что отсутствие информации не оправдывает неотдачу приказа, когда он необходим. В результате войска развернулись и, когда встретили противника, были готовы к бою.

(4) Наконец, вы видели, что первая немецкая атака и русская атака в снежную бурю оказались эффективными из-за фактора внезапности. В первом случае успех был достигнут без больших потерь, а русская атака, хотя и не удалась, была отбита лишь с большим трудом.

Значение фактора внезапности в войне трудно переоценить. По мере того как его становится все труднее обеспечить, он становится все более и более эффективным, если его удастся достичь. Мы не должны жалеть никаких усилий, чтобы заставить решающий элемент внезапности на войне работать на нас.

ГЛАВА V

МОЛОДОЙ КОМАНДИР РОТЫ В БЫСТРО МЕНЯЮЩЕЙСЯ ОБСТАНОВКЕ

(Статья была напечатана в журнале «Infantry Journal» за июль-август)

Это произошло в 20-х числах сентября 1915 года. Вот уже несколько дней немецкий батальон маршировал по плохим дорогам все дальше и дальше вглубь России. В середине сентября этот батальон активно сражался с русскими в окрестностях Вильно, а затем снова двинулся на восток. В течение нескольких дней он так и не встретил организованного противника, и по мере того, как батальон входил в страну болот, лесов и песка, марши становились все более утомительными.

Солдаты не знали, идут ли они в составе дивизии или в составе полка, — им было все равно. В мирное время солдат учат, что даже последний рядовой должен быть знаком с обстановкой; на войне же никто ничего о ней не знает и вообще не желает ничего знать. Такое отсутствие интереса, по-видимому, является одной из главных причин того, что рядовые военнослужащие так мало владеют обстановкой. Солдат доволен, если дела у него идут хорошо, у него и так достаточно вопросов, требующих его заботы — он должен маршировать, спать, есть, и когда встретится враг, он должен сражаться, а идет ли в атаку вся дивизия или только его батальон, ему вообще совершенно безразлично. Так было и здесь — солдаты маршировали, спали и ели, а куда они шли и что должны были делать, для них не имело никакого значения. Их старшие командиры могли строить любые стратегические планы, какие только пожелают, — солдаты просто маршировали. Правда, они частенько спрашивали друг друга, в чем может заключаться их задача. Тогда кто-то отвечал: «Мы идем на Москву» — после чего следовал смех, и все оставались довольны.

В один из таких осенних дней, около десяти часов утра, батальон внезапно свернул в сторону от прежнего направления и двинулся на юг. Маршрут марша пролегал по узким лесным тропинкам, и все чаще пересекал сельскую местность. Вдруг к нам прискакали двое посыльных, коротко переговорили с командиром батальона и умчались. Должно быть, что-то не так.

Командир батальона уже выехал вперед. Внезапно он вернулся и сказал:

— Русские крупными силами атаковали нашу кавалерию и оттеснили ее назад. Мы должны прийти ей на помощь. Примерно в двух километрах перед нами протекает река, берег которой мы и будем удерживать.

Вскоре батальон добрался до реки. Она была шириной около 40 метров и очень глубокой. На противоположном берегу виднелась деревня, с нашей стороны неровным узором раскинулись леса и поля. Не было слышно ни единого выстрела. Не было видно ни одного русского солдата и ни одного немецкого кавалериста.

Единственная имевшаяся у нас карта была у командира батальона. Несколько мгновений он ее изучал, а затем повернулся к командирам своих рот:

— Вон там, справа, примерно в 500 метрах отсюда, находится ферма. Там расположится батальон 10-го полка. Мы занимаем оборону вдоль берега, от этой опушки леса влево. 9-я, 10-я и 11-я роты, справа налево, в указанном порядке, удерживают позицию фронтом 300 метров каждая. 12-я рота будет находиться в резерве позади центра позиции

батальона. Кавалерия действует слева от нас, я установлю с ней связь. Артиллерии у нас пока нет. Для разведки противника через реку выслать дозоры.

Давайте последуем за 9-й ротой. Молодой командир роты привел свою роту и расположил на бивак в лесу, находившемся примерно в 200 метрах от реки, а затем в сопровождении нескольких человек выдвинулся вперед к реке, чтобы уточнить обстановку и изучить местность. Перед тем как покинуть расположение своей роты, он выслал дозор на правый фланг, чтобы установить связь с батальоном на ферме.

У реки все было тихо. Ситуация выглядела не так плохо, как представлял ее себе командир батальона, хотя местность была очень неблагоприятной, — все кругом было так густо покрыто лесом, что видимость в любом направлении ограничивалась примерно сотней метров.

В роте было примерно 80-90 человек. Командир роты решил двумя взводами занять оборону вдоль берега реки, а третий взвод оставить в резерве, отдав соответствующие приказы.

Его командиры взводов, хотя и являлись всего лишь унтер-офицерами, были людьми, на которых он мог положиться. Они вернулись к своим взводам, а командир роты тем временем искал на реке лодку, на которой можно было бы добраться до противоположного берега. Хотя ему и хотелось посмотреть, как местность выглядит с той стороны, но надо признать, что основной причиной его переправы была надежда найти что-нибудь съестное в деревне за рекой. Наконец он нашел лодку. Оглянувшись назад, он увидел, как из леса выходят его взводы. Все было спокойно и шло своим чередом.

Внезапно справа раздался выстрел из винтовки. Он было подумал, что кто-то из батальона, располагавшегося на ферме, убил свинью для своей полевой кухни. Тут же он услышал еще один выстрел, и снова подумал про себя: «Ха! Плохой выстрел, — он же должен был убить свинью с первого выстрела». Стрельба продолжалась, — два, четыре, семь выстрелов. «Может быть, там идет бой?»

Стрельба усиливалась. Мысли и решения проносились в голове быстрее, чем требуется времени рассказать о последующих событиях.

Первой мыслью командира роты было: «Соседний батальон обнаружил и отбросил назад русский дозор. Между тем стрельба, похоже, слишком сильна для простой стычки с патрулем». Тем не менее, он выбрался из лодки обратно. «Мои разведчики наверняка принесут мне более подробную информацию», — решил он.

Внезапно над его головой просвистело несколько пуль, выпущенных справа сзади. По звуку он понял, что они были выпущены из русских винтовок. Сейчас обстановка для него прояснилась, — соседнего батальона на ферме не было, иначе пули не летели бы справа и с тыла. Русские переправились через реку и уже заняли ферму!

Что же ему теперь делать? Командира батальона здесь не было, и он должен был принять решение самостоятельно. Он должен был действовать, и немедленно! Естественно, эти мысли пролетели молниеносно и не потребовали столько времени, сколько понадобилось для их изложения.

Ход его мыслей был таков: «Моя задача — оборона реки. Но обстановка изменилась — русские уже переправились через реку. Поэтому мое решение — атаковать быстро и с максимально возможными силами».

Он побежал со своими посыльными обратно во взвод, стоявший в резерве. По дороге через одного из посыльных, — человека, которому полностью доверял, — он передал следующий приказ:

— Левый взвод немедленно отходит к лесу, а затем вместе со мной атакует ферму. Правый взвод обороняет всю позицию роты. Передайте это сообщение командирам взводов, а затем доложите о моем решении батальону.

Вскоре он уже был в расположении своего резервного взвода, который занял позицию перед фермой. Стрельба продолжалась, но люди по-прежнему ничего не видели. Не останавливаясь ни на секунду, молодой командир закричал:

— Весь взвод атакует беглым шагом в направлении фермы.

Солдаты стремительно сбросили всю свою выкладку в лесу. Русских необходимо было атаковать быстро, прежде чем они смогут перейти реку крупными силами. Из дозора прибежал тяжело дышащий посыльный:

— Русские переправились через реку рядом с фермой. Дозор находится вдоль не-большой дороги, ведущей на север от фермы. Русские пытаются нас обойти с фланга.

Теперь возникла новая ситуация. С момента принятия первого решения прошло не более десяти минут, но сейчас мысли командира роты текли примерно так: «Изменилась ли обстановка? Должен ли я теперь принять новое решение? Нужно ли продолжать атаку? Неужели русские уже переправились через реку всеми своими силами?»

С командиром роты было всего тридцать человек, но он решил продолжить атаку. Нельзя сказать, было ли это правильно или нет, но таково было его решение в тот момент.

Атака продолжилась. Вскоре редяющий подлесок подсказал, что опушка леса уже рядом. Прямо перед атакующими находился еще один лес и дорога, ведущая на север, на которой уже были русские.

— Ложись, дистанция 400 метров, огонь!

Это был единственный отданный взводу приказ. Люди открыли огонь. Некоторое время противник не отвечал, но вскоре на немцев обрушился град пуль. Стало очевидно, что там скрываются значительные силы русских. В этот момент прибежал посыльный из второго взвода:

— Второй взвод находится в 200 метрах позади нас.

И снова командиру роты пришлось принимать решение о том, стоит ли ему продолжать атаку? На долгие размышления времени не было, и он выкрикнул:

— Я атакую вместе со вторым взводом, находящимся справа. Этот взвод продолжает вести огонь с места, а затем присоединяется к атаке.

Он побежал обратно ко второму взводу и повел его направо через лес. Пока они бежали он отдал свой новый приказ:

— Рядом с фермой находятся русские. Мы атакуем!

Через несколько мгновений второй взвод тоже достиг опушки леса. Когда солдаты вышли из леса, то попали под сильный огонь с правого фланга, который вынудил их укрыться.

Русские уже находились гораздо дальше от реки, чем предполагал командир роты. Обстановка снова изменилась. Что же ему нужно делать теперь? Неужели ему придется принимать новое решение? В этот момент прибыл посыльный из батальона:

— Русские отбросили назад нашу кавалерию. Командир батальона ранен.

Больше он не смог вымолвить ни слова, потому что упал замертво с простреленной головой. И снова в обстановке произошли изменения. Что же делать дальше? Нужно ли принимать новое решение?

Естественно, обстановка была не настолько ясна, как это представляется в нашем

рассказе. У командира роты не было карты, и он находился в самом центре боя. Однако, одно казалось ясным: продолжать атаку силами всего лишь 50-60 бойцов — это наверняка путь к поражению. Но что же ему делать? Оставалось только два варианта — оставаться там, где он находился, или отходить.

Оборона была бы выгодна только в том случае, если бы появились свежие немецкие войска, которые могли бы отбросить русских назад за реку. 12-я рота все еще находилась в резерве, но никто из участников этого боя ничего о ней не слышал и ее не видел. Поэтому командир роты пришел к выводу, что ее, вероятно, использовали на левом фланге батальона, где отступала кавалерия. Оставались еще одни войска, к которым можно было бы обратиться за помощью, — это батальон, который должен был находиться на ферме. Но его там не было, и никто не знал, когда он придет и придет ли вообще. Немцы могли удержать позицию, если бы немедленно получили поддержку. Если поддержки не будет, то самое время начать отход. Оставаться там, где они находились, сражаясь без надежды на немедленную помощь, было равносильно уничтожению. При таких обстоятельствах он решил отходить.

Здесь не имеет значения, был ли этот вариант действий правильным или неправильным. Существенным моментом является тот факт, что это решение должно было скорее ощущаться, чем приниматься путем логического мышления. Если бы батальон, которого так долго ждали, прибыл в ближайшие минуты, это решение оказалось бы серьезной ошибкой. Однако вопрос первостепенной важности заключался уже не в том, чтобы удержать реку, а в том, чтобы удержать противника. Если его нельзя было остановить у реки, значит, его нужно было остановить в каком-то другом месте.

Отход шел медленно. Тем временем открывала огонь русская артиллерия. К полудню рота вновь соединилась со своим батальоном, к которому вовремя присоединилась и кавалерия. Позже прибыл еще один батальон, появилось несколько батарей легкой артиллерии. Кризис миновал. На небольшом гребне среди болот и лесов была организована оборонительная позиция, на которой в течение последующих нескольких дней было отбито несколько атак русских с большими для них потерями.

Во время этих боев произошел примечательный случай, показывающий, как часто война требует необычных методов. На этой оборонительной позиции линия обороны была очень тонкой, люди были рассеяны широко. Резерв батальона состоял всего из тридцати человек, которых вызывали каждый раз, когда атаковали русские. Роты лежали в болоте, не имея окопов и без проволоки. Местность была такова, что люди могли вести наблюдение во фронт лишь на близкой дистанции. Повсюду виднелись небольшие кусты и участки леса, которые затрудняли общий обзор. Людей было настолько мало, что выставить сильное охранение было невозможно, поэтому часто было очень трудно определить, когда русские собираются снова атаковать. Как правило, их замечали только после того, как они приближались к позиции.

Что можно было бы сделать, чтобы исправить такое положение дел? Один из унтер-офицеров соседней роты нашел простое и отличное решение. Примерно в 500 метрах за линией фронта находилась деревня, которая могла похвастаться большим количеством коров. Унтер-офицер отправился в эту деревню и выгнал всех коров перед своей позицией, где они могли спокойно пастись. Как только появились русские, коровы забеспокоились и двинулись обратно к немецким позициям, предупреждая тем самым, что новая атака неминуема. Эти коровы оказались самым эффективным охранением, который только можно было найти.

Давайте подытожим важные уроки, которые следует извлечь из этого боя.

В этом бою мы увидели полное отсутствие данных о противнике и незнание обстановки. Хотя немецкая кавалерия находилась в соприкосновении с противником и, вероятно, была в состоянии предоставить о нем сведения, тем не менее никаких данных так и не появилось. Русские оказались за рекой совершенно внезапно, и каковы были их силы, неизвестно по сей день. Возможно, в будущих войнах приближение противника можно будет обнаружить авиацией, однако нам не следует ожидать слишком многого от воздушной разведки. Авиацию будут иметь в своем распоряжении обе стороны, и прежде, чем наши авиаторы смогут произвести хорошую разведку, вражеские воздушные силы должны быть основательно разгромлены. Если мы сумеем завоевать и удерживать господство в воздухе, мы сможем получить значительную информацию, но с другой стороны, если победу в воздухе одержит враг, этот источник мало чем будет нам полезен. Кроме того, во время войны перед началом боевых действий авиация будет получать информацию главным образом о крупных частях противника — марширующих колоннах, направлении их движения и т.д. Эта информация будет поступать в высшие штабы в тылу, однако те сведения, которые мы хотим знать о противнике, находящемся на передовой — расположение его пулеметов и очагов сопротивления, — наши летчики смогут сообщать нам лишь изредка, да и то, как правило, слишком поздно, чтобы принести нам какую-либо пользу.

Более того, мы, пехотинцы, постоянно будем пытаться укрыться от летчиков врага, совершая марши ночью и разделяя свои силы на небольшие группы. Если такова будет наша собственная тактика, то мы, конечно, вправе ожидать, что и противник будет скрывать свои передвижения подобными способами.

Таким образом, оказывается, что в войне будущего нам снова придется принимать решения без удовлетворительного знания противника. Поэтому важно практиковать это в мирное время, ибо на войне мы будем делать хорошо только то, что научились делать на учениях.

Этот пример ясно показывает, что трудные ситуации могут быть разрешены только простыми решениями и простыми приказами. Чем сложнее обстановка, тем меньше будет времени на то, чтобы отдать длинный приказ, и тем меньше времени у ваших людей будет на то, чтобы понять его. Кроме того, солдаты будут взвинчены и напряжены, а в таких условиях может быть исполнен только самый простой приказ.

Ситуация, изображенная в предшествующем повествовании, развивалась сначала медленно, а затем трудности стали внезапно возникать часто и быстро. Оглядываясь назад на войну, мы обнаружим, что это верно почти для всех ситуаций. Из этого мы должны сделать несколько выводов в отношении наших приказов. Первый приказ на бой вообще можно отдавать без спешки. В нем должно содержаться все, что необходимо войскам. Однако после того, как начался бой, мы не можем рассчитывать на то, что сможем отдавать длинные приказы, — как письменные, так и устные. Любой приказ, который мы можем отдать, должен быть кратким и ясным. И если мы надеемся делать это во время войны, то должны постоянно это практиковать в мирное время.

А теперь последний пункт, самый сложный из всех. Наши военные игры на картах обычно заканчиваются утверждением, что сейчас такое-то время и требуется принять такое-то решение. Поэтому мы знаем, что сейчас обстановка такая-то, что у нас есть вся нужная информация, что мы должны принять определенное решение. Вышеизложенное ясно указывает на то, что одна из самых трудных вещей, с которой мы сталкиваемся

на войне, — *это осознание момента принятия решения*. Информация поступает постепенно. Мы никогда ничего не знаем наверняка, но каждая последующая минута принесит нам дополнительные сведения, новые и жизненно важные. Может быть, мы примем решение сейчас или подождем еще немного? Определить момент принятия решения обычно гораздо труднее, чем сформулировать его само. Вот один из способов, с помощью которого можно обучать свое подразделение данному вопросу.

Выйдите в поле вместе со своими командирами взводов, отделений, и расчетов, и сообщите им:

— Двигайтесь со своими взводами по этой дороге.

Спустя какое-то время марша, сообщите командирам немного сведений или впечатлений, и молча двигайтесь дальше. Затем предоставьте им еще немного информации, сформулировав тем самым перед ними свою проблему. Никогда не требуйте от них решения, но сообщите им, что они должны определить не только что нужно делать, но и когда нужно это делать. Тогда вы увидите, насколько трудно определить время для принятия решения.

Позвольте еще раз подчеркнуть, что мы должны учиться всему этому в мирное время. Мы должны не только понимать, как это делается в теории, но и знать, как это делается на практике.

Позвольте завершить эту главу мыслью генерала фон Секта: «Знание ремесла очень важно, но это уровень ученика. Уровень подмастерья — это применять то, чему он научился. Но только мастер знает, как применять каждый инструмент в каждом конкретном случае».

ГЛАВА VI

РАЗНИЦА В СЛУЖБЕ ПОДГОТОВЛЕННЫХ И НЕПОДГОТОВЛЕННЫХ ВОЙСК

В предыдущих главах было показано, как молодые солдаты реагируют на все новые впечатления. Было также показано, что ценность нового солдата зависит от его командиров в гораздо большей степени, чем ценность бывалого ветерана. Кроме того, подчеркивалось, что преодолеть все трудности, с которыми молодой солдат сталкивался в своем первом бою против врага, ему помогала уверенность в опыте, в уме и способностях его командиров.

Во всех ранее обсуждавшихся действиях наши войска вели наступление, в котором мы добились успеха. Атакующие войска с самого начала проникнуты определенным чувством превосходства и уверенностью в собственных силах. Это огромная помощь для них в преодолении деморализующих впечатлений боя.

У меня не было опыта общения с молодыми солдатами в обороне или во время отступления, однако я убежден, что плохо проводимое отступление, или безуспешные оборонительные действия снижают ценность неопытных войск на длительное время. С другой стороны, ветераны, прошедшие через превратности многих кампаний, не так легко поддаются невзгодам.

Обычно солдат на фронте думает только о настоящем, он живет одним днем. Если боевая операция проходит успешно, он доволен. Его не интересуют великие стратегические результаты сражения, его мысли вращаются только вокруг него самого и его ближайшего окружения.

В предыдущих главах я подробно прокомментировал недостаток информации о противнике, столь характерный для войны. Теперь я предлагаю развить еще один аспект, уроки которого столь же ценны, а именно рассмотреть трудные и неожиданные ситуации.

Ретроспективно вспоминая прошедшую войну, тем из нас, кто был на фронте, кажется, что большинство ситуаций были трудными и неожиданными. Правила, с помощью которых мы выходили из положения, были в основном простыми и почти всегда противоречили стандартным решениям, которые мы изучали в мирное время.

В начале октября 1915 года немцы продвинулись далеко вглубь России. Несколько месяцев оказались насыщены множеством сражений и походов, затем наступила неделя, проведенная на болотистой местности, густо поросшей лесом. Наши солдаты, ветераны многих сражений, теперь были закаленные войной и ее неожиданностями. Они знали своих командиров, и их командиры знали их.

После нескольких дней тяжелых боев пришел неожиданный приказ: «Отходить на север». Больше никто ничего не знал.

Ночью мы оторвались от противника, после чего последовал тридцатичасовой марш на север. Давайте последуем за одним из немецких батальонов, действовавшим в качестве арьергарда дивизии, находившейся вне соприкосновения с противником.

На следующий день поздно вечером из штаба дивизии прибыл офицер и передал командиру батальона следующий устный приказ:

«Дивизия располагается в течение дня на привале на маршруте марша. Ее тыловые части будут находиться в такой-то деревне. Ваш батальон, как арьергард, должен обеспечить охранение дивизии в окрестностях деревни Х. Марш возобновится не ранее завтрашней ночи. Вам придется кавалерийский взвод, который все еще находится позади нас. Охранение на прилегающей дороге с запада обеспечивают две роты 1-го батальона. Письменный приказ будет отдан позднее».

Командир батальона сказал:

— Хорошо, мой дорогой друг, но не могли бы вы сказать мне, где находится деревня Х? У меня нет карты.

Штабной офицер достал свою собственную карту, указал на деревню и пообещал прислать карту. После часового марша батальон достиг назначенной деревни.

Описываемый батальон состоял из четырех пехотных рот и одной пулеметной роты, однако в каждой роте было всего по тридцать человек, а в пулеметной роте оставалось только два расчета, пулеметы которых перевозили на крестьянской телеге, запряженной двумя низкорослыми русскими лошадками. Командир батальона был единственным офицером в своем гордом командовании, чей штаб состоял из унтер-офицера, двух конных посыльных и денщика. Поскольку командир батальона больше всего на свете хотел иметь адъютанта, он назначил им унтер-офицера. Из двух конных посыльных один был послан в штаб дивизии для получения письменного приказа, второй остался при командире. Тремя ротами командовали унтер-офицеры, а одной — ефрейтор. Но у батальона по-прежнему имелся один значительный источник силы — четыре полевые кухни, которые использовались ежедневно, как если бы каждая рота все еще была полнокровным подразделением, имевшей 120 человек.

Эти люди были ветеранами, которые не могли избавиться от своих привычек к тишине и покою. Они шли уже несколько дней, проголодались и устали — ужасно устали. О противнике ничего не было известно. Поставьте себя на место этого молодого командира батальона. Каково будет ваше решение? Он же принял вот какое. Он собрал своих командиров рот и отдал следующий устный приказ:

«Наша дивизия располагается лагерем вон там, за тем лесом, по крайней мере до сегодняшней ночи. Мы находимся в ее охранении. Если придут русские, мы будем обороняться на этом гребне — 9-я рота в центре, 10-я рота справа, 11-я рота слева, пулеметная рота на правом фланге. 12-я рота занимает позицию за этим холмом и находится в резерве, вместе с ней буду находиться и я. Батальон пока располагается на биваке. 9-я рота занимает этот дом, 10-я рота — тот дом и так далее. Приказываю немного поспать и попытаться что-то раздобыть, чтобы поесть. 9-я рота высылает дозор примерно на два километра обратно в лес в том направлении, откуда мы пришли. Если появятся русские, дозор открывает огонь. Сейчас я отправляюсь верхом на рекогносцировку, вернусь примерно через полчаса».

Затем он приступил к разведке местности. Я рад, что это не стало сложной задачей для того молодого командира батальона, за решение которой он мог бы получить «неуд», но на минутку задумайтесь. Его люди были ветеранами, которые знали, что обычно ситуация развивается не очень быстро. Они устали и проголодались. Командир батальона,

конечно, понятия не имел, где находятся русские. У него не было ни малейшей информации о них. Он знал только, что там, на западе, в 250 милях от этого места, находится Германия, и что его дивизия отступает в северном направлении. Однако он знал своих людей и знал, что может требовать от них, поэтому, даже не представляя, что принесут ему следующие несколько часов, он не беспокоился о будущем. Его люди прошли через множество трудных ситуаций, и он был уверен, что они пройдут и через эту, особенно учитывая тот факт, что в данный момент никаких трудностей не предвиделось.

Через полчаса он вернулся. Во всей деревне стояла абсолютная, прямо мертвая, тишина — ничего не двигалось. Денщик, приготовив что-то поесть, спал на крыльце перед домом, роты храпели по домам. На южной окраине деревни находился один-единственный хорошо замаскированный парный сторожевой пост и наблюдал за лесом. Было около двух часов дня.

Подумайте об этой странной ситуации! Дивизия отдыхает во время отступления и поручила батальону, состоящему всего из 130 человек, обеспечить ее безопасность. Этот батальон высылает дозор, выставляя один парный пост на краю деревни, и ложится спать. Сравните эту ситуацию с ситуацией в первые дни войны, когда 80 возбужденных человек охраняли 160 других своих товарищей во время их отдыха.

Вероятно, было около трех часов, когда командира батальона разбудили. «Русские идут, наш дозор открыл огонь». Роты, которых быстро подняли, через несколько минут заняли оборонительную позицию на гребне. Внезапно из леса выскочил взвод немецкой кавалерии, над которым разорвалось несколько шрапнельных снарядов. Дозор продолжал стрелять, но русских нигде не было видно. Немецкая кавалерия проскакала через позицию пехоты и скрылась в тылу. Батальон ждал, что будет происходить дальше. Стрельба в лесу перед ним все еще продолжалась.

Командир батальона сел на лошадь и поехал на правый фланг, чтобы установить связь с ротами 1-го батальона. Прибыв туда, и не заметив никакого движения, он поехал дальше. В окрестностях не было видно ни одного немца. Вдруг он заметил на опушке леса нескольких русских кавалеристов.

Было уже около четырех часов, а в шесть часов садилось солнце. Что он должен был делать? В этой новой обстановке не было времени для долгих рассуждений. Он должен был действовать, поэтому повернувшись к посыльному, сказал:

— Ты остаешься здесь и стреляешь во все, что появляется на опушке леса. Я вернусь в батальон и вышлю сюда пехоту, — после чего галопом ускакал.

На обратном пути в свой батальон он обдумывал ситуацию: «Русские могут напасть на нас в любой момент. Роты 1-го батальона отсутствуют. Совсем недавно они были там, но наверняка ушли по приказу, который до меня не дошел. Нужно принимать решение». Он решил отходить как можно скорее. Но куда именно? У него не было ни карты, ни компаса. Он знал только, где находится север. «Ну что ж, — думал он, — сначала отойдем, а после нам должно немного повезти». С этими мыслями он вернулся в батальон и отдал приказ:

«Ротам немедленно собраться за гребнем. Отход прикрывают батальонный резерв и пулеметы».

Как раз в тот момент, когда посыльные уже были готовы отправиться в роты с этим приказом, из леса быстрым бегом выскочил дозор, находившийся впереди. Вслед за ним появились первые русские солдаты и открыли огонь. Обстановка снова изменилась. Те-

перь нельзя было отойти до тех пор, пока не будет отбита русская атака. Командир батальона немедленно выслал половину своего резерва для защиты правого фланга. Продвижение русских было очень медленным, но их огонь из стрелкового оружия постепенно усиливался, упало несколько снарядов, но ущерба они не нанесли. Немцы стреляли быстро и только тогда, когда у них была хорошая цель. Начало смеркаться. Дважды командир батальона подъезжал к своей фланговой группе охранения. Там ему сообщили, что единственным свидетельством вражеской активности перед ними было периодическое появление нескольких русских кавалеристов.

Наконец, когда совсем стемнело, батальон отошел. Перед тем как начать отход, командир батальона сообщил своим людям, что он не знает, где находится дивизия, и что их главная задача состоит в том, чтобы идти до тех пор, пока они не найдут ее снова. Батальон двинулся в ночь. Луны не было, но по звездам определили направление на север. Время от времени они подходили к развилке дорог. Командир батальона, не зная, идти ли им направо или налево, предоставил решать это своей лошади, — если она шла налево, они шли налево, если она шла направо, они шли направо. Их путь пролегал через леса, через пески и болота. Время от времени они проходили через безжизненные деревни, мертвые и черные в мрачном лесу и темной ночи.

Командир батальона был встревожен. Время от времени он выезжал вперед, иногда он держался позади своей колонны. Иногда он ехал рядом со своими молчаливыми людьми, которые быстро шли по темной дороге, будто тени. Часто слышны были только тихие стоны четырех раненых, которых везли на крестьянской телеге. Время от времени кто-нибудь из солдат ругался, падая в темноте. Через определенные промежутки времени объявлялся короткий привал. «Мы на правильном пути? Встретимся ли мы с нашей дивизией? Что мы будем делать, если не сможем найти нашу дивизию?» — таковы были мысли командира. Внезапно из темноты донесся голос одного из солдат:

— А что мы будем делать, если не найдем нашу дивизию?

Командир ответил:

— Ребята, тогда мы сами будем воевать. Мы будем идти на запад, пока снова не встретим своих. Никто не возьмет нас в плен.

Последовал легкий смех, затем наступила полная тишина. Командир и войска были едины в своих мыслях.

В три часа ночи, после девятичасового марша, батальон пересек длинный мост через озеро. На другой стороне лежала большая деревня. Это было прекрасное место для привала, и командир отдал соответствующую команду. Через пять минут весь батальон расположился в одном большом доме. Еще пять минут — и все крепко спали. На мосту в качестве охранения был выставлен пулеметный расчет. Командир батальона распорядился возобновить марш в шесть часов, после чего он заснул.

Внезапно он проснулся. Солнце стояло уже высоко. Было 8.30 утра. Он выбежал из дома и побежал к мосту. Там весь расчет пулемета крепко спал. В этот момент он увидел на дальней стороне моста, в 300-400 метрах от себя, отряд русской кавалерии. Он грубо разбудил пулеметчиков, и как только первые вражеские кавалеристы двинулись через мост, пулемет открыл огонь. Несколько русских упало, а оставшиеся в живых отошли.

Эта стрельба явилась лучшим сигналом тревоги для батальона. Через несколько минут войска снова двинулись на север, и ближе к вечеру они вышли к своей дивизии, расположившейся на отдых. Здесь командир батальона впервые узнал, где он находится,

— он находился к востоку от Березины, той самой реки, на которой гордая армия Наполеона потерпела поражение в 1812 году. Он также узнал, что солдат, который должен был доставить ему приказ об отступлении, заблудился в болотах, потерял лошадь, и в конце концов вернулся, так и не передав своего сообщения.

Этот рассказ был приведен не только для того, чтобы оживить наше повествование, а прежде всего потому, что он выявляет несколько важных моментов.

В наших учебных задачах мирного времени, решаемых на картах, в военных играх и полевых учениях мы сталкиваемся с весьма простыми ситуациями. Нет никакой неопределенности, все идет правильно, подразделения всегда укомплектованы. Каждая рота имеет соответствующее количество офицеров. У каждого батальона есть свой командир, свой начальник штаба, свои штабные офицеры. Публикуются длинные письменные приказы, которые в невероятно короткие сроки доходят до человека, которому они адресованы, который быстро их выполняет. У каждого офицера есть своя карта и компас. Он знает, что атака будет осуществляться в точном направлении на $179\pm 1-2$ градуса по магнитному азимуту.

На войне все обстоит совершенно иначе. Наше воображение не может представить ситуацию, которая хотя бы отдаленно приближалась к реальности. В мирное время у нас есть только «школьная» тактика, но давайте никогда не забывать, что война — это гораздо более сложная штука, чем средняя школа. Поэтому, если вы хотите подготовиться к реалиям войны, выведите своих людей на неизвестную местность, ночью, без карт и создайте им сложную обстановку. Используйте при этом все свое воображение, и пусть ваши подчиненные командиры сами принимают решения. Научите своих людей тому, что война часто преподносит подобные сюрпризы и что они зачастую будут попадать в явно невозможные ситуации.

Ранее я говорил о неожиданностях психологического характера. В этой главе я рассказываю о неожиданностях тактического характера. Каждый солдат должен знать, что война — это калейдоскоп событий, изобилующий постоянно меняющимися, неожиданными, запутанными ситуациями, поэтому задачи на войне не могут быть решены с помощью математических формул или четко установленных правил.

Все армии мира учатся в мирное время писать длинные, красиво сформулированные приказы. Я считаю, что учиться думать обо всем и ничего не забывать — это правильно, но мы никогда не должны упускать из виду тот факт, что в маневренной войне наши приказы должны быть краткими и простыми.

В мирное время существует тенденция проводить обучение с использованием типовых ситуаций, которые решаются типовыми решениями. Однако на войне мы не можем сказать: «Обстановка такая-то и такая-то, и согласно правилам, которые я усвоил, я должен атаковать или обороняться». Ситуации, с которыми приходится сталкиваться на войне, как правило, неясны, чрезвычайно сложны и никогда не соответствуют определенному стереотипу, и их должен встречать бдительный ум, не стесненный установленными шаблонными формами и фиксированными идеями.

В нашей тактической подготовке мирного времени мы должны использовать сложные, очень творческие ситуации и требовать четких, кратких и простых приказов. Чем сложнее ситуация, тем проще должен быть приказ. И прежде всего давайте уберем все стереотипное, иначе оно нас погубит.

ГЛАВА VII

ГРАНИЦА МЕЖДУ МАНЕВРЕННОЙ И ОКОПНОЙ ВОЙНОЙ

До сих пор мы рассматривали лишь маневренную войну со всеми сопутствующими ей неопределенностями и неожиданностями. Оба противника находились в движении, окопы и заранее подготовленные позиции отсутствовали. Вести тщательную разведку было невозможно, местонахождение вражеских пулеметных гнезд, артиллерии и очагов сопротивления было неизвестно.

Теперь, однако, мы вступаем в новую фазу войны — борьбу противника, потерпевшего поражение, за стабилизацию своего фронта, переход от войны движения к «войне в щели». Враг прилагает все усилия, чтобы достичь своей цели — он подтягивает свежие силы, он организует новую оборону, и все глубже и глубже зарывается в землю. Для всех армий наступили те печальные дни, которые пережили и мы, когда снова и снова нанесли удары, пытаясь противостоять надвигающейся угрозе окопной войны, никогда не зная, сможем ли мы еще раз привнести подвижность в медленно застывающий фронт.

Таким образом, заключительный период той фазы войны, которую мы называем маневренной, характеризуется ожесточенной борьбой за отдельные окопы и важные участки местности. Мировая война научила нас тому, что почти каждый период маневренной войны временно прерывается угрожающими периодами стабилизации фронта. Эта угроза возникает, когда побежденный враг стремится организовать и удержать новые позиции, в то время как атакующая сторона стремится далее развить свое наступление. Если наступающие силы одерживают победу, маневренная война возобновляется; если она терпит неудачу, битва застывает в траншеях.

Для пехотинца рассмотрение таких боев представляет жизненно важный интерес, ибо ему выпадает нести в них самое тяжелое бремя. На самом деле, вопросы в таких сражениях решаются только пехотой. Давайте вкратце рассмотрим этот момент.

Маневренная война в невероятной степени поглощает силы армии. Боевые потери накапливаются, заболеваемость растет прямо пропорционально продолжительности кампании. Потери среди лошадей даже превышают людские. Линии снабжения становятся длиннее и сложнее. Тяжелая артиллерия отстает. Потеря орудий, траншейных минометов и пулеметов становится все более и более серьезной по мере роста проблем с их заменой или возмещением. С каждым днем все острее и острее ставится вопрос получения боеприпасов для еще действующей артиллерии. Постепенно мы видим, что военная машина, как механизм, постепенно утрачивает свое значение, в то время как человек, пехотинец с винтовкой, становится все более и более важным. Хотя численность пехоты снижается, а физические силы людей уменьшаются с каждым днем, именно пехотинец вынужден нести все большее и большее бремя битвы.

Прежде чем рассмотреть несколько боевых эпизодов такого рода, имевших место во время Мировой войны, давайте обобщим ряд уроков той же войны, хотя ни один человек не может сказать, будут ли они применимы к войне будущего. Действительно, в том, что солдат должен учиться на примерах прошлого и лишь изредка — на примерах настоящего, есть существенная трагедия. На самом деле, изучение военной истории таит

в себе определенную опасность, если только мы стремимся извлечь из нее нечто большее, чем просто вечные истины о лидерстве, моральном духе, психологическом влиянии, трудностях и неразберихе, которые сопутствуют сражению. Мы не можем представить себе войну будущего, просто изучая войны прошлого. Если бы это было так, то лучший профессор истории обязательно являлся бы лучшим командиром. Конечно, следующая война поставит перед нами совершенно новые проблемы — проблемы, о которых мы даже не подозреваем. Возможно, нашим потомкам никогда не придется сталкиваться с трудностями, с которыми мы встретились в прошлой войне и которые все еще стоят перед нами сегодня, но мы можем быть уверены, что вместо них им придется преодолевать другие трудности.

Изучая события, о которых мы будем говорить ниже, следует иметь в виду, что уроки, которые они содержат, основаны на Мировой войне, которая теперь осталась на двадцать лет позади нас. Давайте не будем впадать в ошибку, и ожидать, что те же самые уроки будут извлечены из следующей войны. Может быть, они будут такими же, а может быть, и нет.

Теперь мы обратимся к некоторым боям в той туманной пограничной полосе между маневренной и окопной войной, в те дни, когда наступательная мощь временно победившей стороны начала ослабевать, а оборона противника начала крепнуть.

В 1915 году русские постоянно терпели поражения, и немцы преследовали их месяцами. Каждый день, в дождь или в ясную погоду, они совершали длинные, утомительные марши по широким русским равнинам, через разбитые холмы, через огромные леса и в основном по плохим дорогам. Почти ежедневно происходили бои — иногда крупные стычки, иногда просто перестрелки. Все это приносило потери — потери в людях, в лошадях, в материальных средствах. Роты и батальоны таяли, становились все меньше и меньше, но те, кто оставался в строю, превращались в опытных ветеранов войны с железными телами и железными нервами, на которых их командиры могли безоговорочно положиться.

На протяжении последних нескольких дней русские все чаще и чаще стали оказывать сопротивление, их артиллерия становилась все более активной, и они даже стали предпринимать небольшие контратаки.

Батальон, который мы будем сопровождать, следовал с основными силами своей части. Внезапно впереди возникла беспорядочная стрельба. Батальон остановился. Последовала короткая задержка, всего лишь на несколько мгновений, после чего он прошел еще несколько километров. И снова возникла стрельба, и снова остановка. «Сегодня нам повезло быть в составе главных сил, — думали солдаты, — мы опять столкнулись с большим русским арьергардом, но наш авангард быстро приведет все в порядок».

Хотя уже наступила осень, погода стояла солнечная и теплая. Не успевал батальон остановиться, как солдаты бросались на землю и засыпали. Какое значение имела стрельба впереди, если здесь и сейчас была возможность немного поспать?

Таким образом, батальон продвигался вперед семимильными шагами. Около десяти часов утра стрельба на фронте усилилась. Батальон резко свернул с маршрута марша и, используя овраги и участки леса, продолжал наступать. Вскоре мы слышали

глухой грохот артиллерии и редкий грохот пулеметов. Наконец мы остановились в небольшом лесу, а командир роты выехал вперед, чтобы присоединиться к командиру батальона.

Последовал приказ о наступлении:

— Русские занимают позицию примерно в четырех километрах перед нами. — Командир батальона указал на свою карту. — Они хорошо окопались вон на тех холмах, за тем широким болотом. Перед их позицией находится широкое заграждение, опутанное проволокой. Наша дивизия атакует в 2 часа дня. Полоса наступления батальона — такая-то. 9-я, 10-я и 11-я роты — в атакующей цепи. Разграничительные линии между ротами — там-то и там-то. 12-я рота находится за центром и является моим резервом.

Таков, в сущности, был приказ о наступлении.

Батальон начал выдвижение. Сначала роты быстро продвигались вперед, но вскоре артиллерийский огонь нащупал их, и они были вынуждены развернуться в боевой порядок. Врага по-прежнему не было видно, хотя его пули свистели над холмами и пощелкивали в кронах деревьев. С одного из ближайших холмов молодой командир 9-й роты попытался определить местонахождение русских позиций. Долгое время ему это не удавалось. Вдруг послышался вскрик одного солдата из его роты. Прошло несколько секунд, и закричал другой. Они были поражены пехотным огнем, но вражеская позиция оставалась нераскрытой.

Наконец командир роты обнаружил ее. Прекрасно замаскированная, она лежала в холмах далеко впереди него. Должно быть, это была одна из тех знаменитых русских позиций, которые были подготовлены давным-давно, потому что не было никаких признаков свежей копки или глубоких траншей, покрытых землей и сучьями, какие русские построили в начале 1915 года. Вместо этого он увидел заграждение из колючей проволоки шириной в десять-пятнадцать метров, а перед ним — поросшее травой болото шириной около двухсот метров. С немецкой стороны болота тянулся невысокий гребень. Как лучше всего подойти к этой сильной позиции?

Немецкая артиллерия стреляла лишь изредка, и даже эти немногие снаряды летели далеко в русский тыл. Возможно, они искали вражескую артиллерию. На самой позиции русских не было видно никаких признаков жизни. Командир роты поднялся, чтобы перейти через холм, на котором он лежал, но едва он поднялся на ноги, как русские окопы ожили. Трещали винтовки, гремели пулеметы!

Что же теперь делать? Начинать атаку с холма, на котором он стоял, не имело смысла — было слишком далеко. Необходимо было подобраться поближе к русским. Первая проблема состояла в том, чтобы добраться до невысокого гребня, который тянулся вдоль немецкой стороны болота. Со своей позиции на холме командир роты смог рассмотреть глубокий овраг на склоне холма, и решил выдвинуться через него по отделениям.

Наступление оказалось медленным и утомительным. Русские стреляли в каждого немца, который показывался на виду. Поэтому, хотя рота успешно продвигалась вперед, потеряв лишь восемь человек, до края болота она добралась только в половине первого дня. До начала наступления оставалось всего тридцать минут. Подразделение быстро развернулось в боевой порядок для атаки.

Но где же соседние роты? Времени на их поиски уже не оставалось, но вправо и влево немедленно были высланы дозоры, чтобы попытаться установить с ними связь. Тем временем русские продолжали стрелять в каждого, кто показывался на глаза. Наша

артиллерия по-прежнему стреляла лишь изредка.

Незадолго до двух часов в роту протянули полевой телефон. По нему командир роты доложил командиру батальона обстановку и расспросил его об артиллерийской поддержке.

— Мне об этом ничего не известно, — последовал его ответ.

Приближался час атаки. Перед собой немцы видели несколько русских окопов, но не знали, где находятся вражеские пулеметы. Они видели проволочное заграждение, но не знали, как пробиться сквозь него. Они видели широкое травянистое болото, но не знали, как его пересечь. У них не было пулеметов, и они не знали, есть ли какая-нибудь артиллерия, чтобы поддержать их. Но за последние месяцы эти войска совершили так много атак, в каждой из которых они одержали победу, что теперь они безоговорочно верили в свое превосходство над русскими. Они верили, что их враг окажет слабое сопротивление на короткое время, а затем отступит. Они были уверены, как и сама судьба, что сегодня снова одержат победу.

В два часа началась атака. Едва немцы показались на краю болота, как из русских рядов разверзся ад. Вся их система траншей закипела жизнью. По рядам атакующих, подобно урагану, пронесся пехотный, артиллерийский и пулеметный огонь. Мгновенно мы понесли тяжелые потери, и были вынуждены укрыться. Тяжелые потери — это то, что немцы больше не могли себе позволить. Боеспособность отдельных рот уже настолько снизилась, что 9-я рота не смогла выделить резерв. Атака была отбита сразу же после того, как началась. Потери были тяжелыми, и ничего не было достигнуто. Сблизиться с врагом оказалось невозможно.

Теперь бой начался по всему фронту. Справа и слева наступали немецкие солдаты, но ни одному из них не удалось пересечь болото. Так прошел день и скоро стало совсем темно.

Командир 9-й роты запланировал вступить в схватку с русскими под покровом темноты. С двадцатью людьми он заполз в болото. Ему действительно удалось добраться до русской проволоки, но едва он начал перерезать ее, как снова разразилась буря огня. Из окопов посыпался град пуль. Прямо перед небольшой группой немцев, не более чем в пятидесяти метрах, стрелял пулемет. Слава Богу, что он оказался расположен так, что с такого близкого расстояния не мог их зацепить. Немцы распластались на земле, но даже при этом пули трещали и свистели ужасающе близко от их голов, ударяясь о болотистую почву сзади со злобными шлепающими звуками.

Было невозможно продвинуться вперед и так же невозможно было отступить. Любой, кто поднимал голову хотя бы на дюйм или два, считался мертвецом. К несчастью, несколько человек из маленькой группы подняли головы, но остальные отчаянно пытались зарыться как можно глубже. Руками, коленями и даже ртом они скребли землю, пока не обустривали хоть какое-то укрытие.

Теперь русский огонь вызвал ответный огонь немцев на другой стороне болота. Таким образом, маленькая группа подвергалась обстрелу как со стороны своих товарищей, так и со стороны противника.

Почти под самым дулом русского пулемета они провели всю ночь — тихо, неподвижно, ожидая смерти, которую непременно принесет дневной свет. Любой, кто долгое время подвергался страшной опасности, не имея возможности противостоять ей, может понять, какое страшное нервное испытание принесла та ночь этой горстке солдат.

Звезды померкли, и восток начал сереть еще до того, как утих русский огонь.

Немецкий огонь прекратился еще раньше. Несколько измученных выживших поодиночке поползли обратно к своей роте на другой стороне болота. Из двадцати ушедших вперед вернулось только четверо, остальные, замерзшие и окоченевшие, остались лежать перед русской проволокой. Атака батальона захлебнулась.

Новый день был использован для того, чтобы окопаться и установить связь с флангами. Было построено даже несколько блиндажей. И снова казалось, что вот-вот начнется окопная война. Но два дня спустя гром великой битвы раздался далеко справа, и продолжился на протяжении всего дня. На следующее утро немецкие патрули обнаружили, что русские позиции перед их фронтом опустели. И снова немцы успешно возобновили маневренную войну, и снова начались долгие марши по холмам, по долинам, по казавшимся бесконечными лесам.

Этот небольшой боевой эпизод типичен для сражений в той пограничной области, которая существует между маневренной и окопной войной. Нападающий видит перед собой врага, который вновь готовится оказать сопротивление. Он не знает, будет ли это еще один бой против арьергарда или враг наконец остановился. Если это арьергард, то враг только пытается выиграть время. В этом случае нападающий должен нанести быстрый удар, чтобы лишить его нужного времени. С другой стороны, если противник больше не желает отступать, маловероятно, что он сможет быть отброшен быстрой атакой.

Первый урок, который следует извлечь из этой фазы боя, — это ее неопределенность. Мы знаем, что враг обороняет определенное место, но мы не знаем его силы и, прежде всего, мы не знаем его намерения. В будущем авиация, возможно, сумеет это прояснить, но совершенно очевидно, что чем эффективнее становится воздушная разведка, тем более изощренными будут меры обороны. По мере того как глаза авиаторов будут проникать дальше и видеть четче, войска будут скрываться от них с еще большим мастерством. Лучшей разведкой всегда будет атака, и зачастую это будет единственный прием, который сможет выявить силу, расположение и намерения противника. Визуальная разведка и патрули сами по себе никогда не могли получить эту информацию в прошлом и, вероятно, никогда не смогут получить ее в будущем.

В предшествующем эпизоде только наступление принесло уверенность в том, что русские решили не отступать дальше. Следовательно, атака была не напрасной. Через несколько часов эта ситуация стала ясна верховному командованию. Никаким другим способом эта жизненно важная информация не могла быть получена так быстро. Возможно, другие методы были бы успешными, но только за счет нескольких дорогостоящих задержек. Однако теперь немцы оказались в состоянии сосредоточить все свои силы в одном месте, чтобы прорвать фронт, выбить русских из их нор и снова вернуться к маневренной войне.

Через несколько дней батальон, за действиями которого мы следили, оказался в роли ведущего подобную решительную атаку.

И снова немцы столкнулись лицом к лицу с русским фронтом и снова немедленно атаковали его. Русские выбрали сильную позицию, которая тянулась между бесчисленными маленькими озерами и оказывали сильное сопротивление нападавшим.

Перед нашим батальоном была поставлена задача перекрыть один из узких промежутков между двумя такими озерами и открыть огонь по русским. Основная атака должна была начаться в другом месте линии фронта.

Вражеская позиция располагалась на холме. Сектор ведения огня простирался перед ней метров на двести; непосредственно перед позицией раскинулось болото и лес. Наш батальон медленно продвигался вперед через этот болотистый лес, но ни один солдат не показывался на дальнем краю лесного массива. Путем кропотливой работы вдоль опушки леса были проложены и тщательно замаскированы несколько неглубоких окопов.

На холмах перед нами можно было ясно разглядеть русские траншеи, их изломы и пересечения блестели на солнце. Во второй половине дня справа и слева от нас велась интенсивная стрельба, и в соответствии с нашей задачей мы открыли огонь, но не атаковали. Ответная стрельба велась так энергично, что мы были уверены, что вражеские окопы полностью заняты. Тем временем вражеская артиллерия прочесала огнем лес, в котором мы прятались, не причинив нам большого вреда.

К вечеру шум боя стих, и грохот пушек, продолжавшийся весь день, прекратился. Вперед немедленно двинулись боевые дозоры, чтобы выяснить, покинули ли русские свои окопы, но их встретили огнем со всех сторон, и они были отброшены назад. Стало очевидно, что противник по-прежнему намерен защищать свою позицию. И снова первая немецкая атака провалилась.

Все, что знал о сложившейся ситуации командир, — это только то, что его войска наткнулась на русские позиции. Он не мог знать, был ли это арьергард или это были основные силы врага. Это могла быть просто очередная отсрочка ради выигрыша времени, но это могла быть и решительная попытка остановить продвижение немецких преследователей раз и навсегда. Ясность могла появиться только в атаке — а атаку надо было начинать быстро. Если противодействие немецкому наступлению оказывал только арьергард, то его нужно было быстро преодолеть, чтобы лишить противника времени на реорганизацию, ибо каждый день, который он выигрывал в результате успешных арьергардных действий, становился огромным преимуществом для него и соответственно крупным недостатком для его преследователей. Точно так же, если бы наступление было остановлено на хорошо организованных линиях сопротивления, каждый потерянный день позволил бы этому фронту становиться все сильнее и сильнее. Необходимо было как можно скорее определить точный характер сопротивления, которое намеревались оказать русские.

Решение этой задачи не могло быть достигнуто простым боестолкновением с оборонительной позицией и разведкой ее дозорами — у окопавшегося противника дозоры мало что могут выявить, кроме лишь того факта, что та или иная линия окопов является передним краем оборонительной позиции. Дозоры никогда не смогут определить, насколько сильна на самом деле оборонительная позиция, они также не смогут оценить упорство, с которым враг будет ее защищать. Нет, самый быстрый и верный способ разубить подобный гордиев узел войны — это атаковать, и, насколько наше ограниченное видение может простираться в будущее, этот способ действий, вероятно, останется самым разумным подходом, которому можно следовать в случае сомнений.

Если отвлечься от текущего момента, то одним из наиболее известных примеров, когда наступление позволило прояснить неясную ситуацию, было наступательное движение IV резервного корпуса под командованием генерала фон Гронау во время битвы

на Марне в начале сентября 1914 года. Немецкая Первая армия, имея свой правый фланг развернутым к востоку от Парижа, продвигалась на юг. Чтобы прикрыть этот незащищенный фланг, IV резервный корпус был оставлен позади вдоль реки Урк. Разведка этого корпуса сообщала о подозрительных передвижениях французов перед его фронтом — куда бы они ни выходили, немецкие дозоры натывались на непроницаемый вражеский заслон. В результате генерал фон Гронау решил переправиться через Урк всеми силами корпуса и атаковать, чтобы прояснить обстановку. Совершив переправу, он немедленно атаковал. Его корпус, прорвавшись сквозь вражеское охранение, обнаружил французскую Шестую армию, готовую нанести решительный удар по флангу немецкой армии. За один день атака IV резервного корпуса раскрыла весь замысел французов. Небольшая задержка — и угроза немецкому флангу могла обернуться катастрофой.

Вернувшись к походу в Россию, скажем, что там, где атака потерпела неудачу, она установила тот факт, что противник был полон решимости сохранить свои позиции. Проблема, стоявшая перед наступавшей стороной, состояла в том, чтобы решить, как лучше прорвать позиции русских. Было решено предпринять проникновение к русским позициям, и батальон, действия которого мы изучаем, был выбран в качестве одного из тех, кто должен был осуществлять основное наступление, прорывая вражеские позиции непосредственно перед своим фронтом. Нас здесь не интересуют факторы, побудившие принять это решение, но близость первоклассной дороги, которая ускоряла переброску подкреплений, и подтягивание к фронту артиллерии, несомненно, сыграли большую роль в решении старшего командира.

Приказы о начале атаки поступили ночью. Наступление планировалось начать в четыре часа следующего вечера. Под покровом темноты подошло несколько других батальонов, которые должны были участвовать в атаке.

На рассвете следующего дня появились несколько артиллерийских офицеров и установили свои наблюдательные посты. Офицеры пехотной части, которую они должны были поддержать, немедленно ознакомили их со всеми известными подробностями русской позиции. Кроме того, им сообщили, где находятся вражеские пулеметы, и тщательно сориентировали по плану наступления пехоты, указав места, по которым артиллерийский огонь был особенно желателен, и позиции вдоль вражеского фронта, которые считались наиболее опасными.

И здесь следует обратить внимание на один момент, который будет иметь особое значение. Когда все сказано, сделано и подготовлено, именно пехотинец, в чьих руках находится судьба победы или поражения, совершает атаку. Именно его спина несет самую тяжелую ношу, его тело испытывает самые большие трудности, а его жизнь подвешена на самой тонкой нити. Поэтому именно он больше всего озабочен противником, его позицией, местностью, на которой он должен будет действовать, искусственными заграждениями, которые ему предстоит преодолеть, и тысячью и одной деталью плана проведения атаки. Он стремится составить себе мысленную картину вероятного вражеского сопротивления и различных мер по его преодолению. Его мысли примерно таковы: «Если наша артиллерия откроет сильный огонь по тому холму, где расположено несколько вражеских пулеметов, то противник не сможет использовать это оружие. Кроме того, она разобьет в этом месте проволочное заграждение противника, чтобы мы могли прорваться в его траншеи. Я верю, что наша атака будет успешной». Вот каковы мысли пехотинца.

Поэтому самое главное в наступлении — внушить атакующей пехоте твердую уверенность в том, что она добьется успеха. Если этого добиться, то победа уже наполовину одержана. Что было бы, если бы пехотинец высказал свои просьбы и замыслы артиллеристу и получил ответ: «Нет, я сделаю это по-другому. Вы должны организовать свою атаку так, чтобы подстроиться под меня»? Нетрудно догадаться о результате. Его волей и видением пренебрегли бы, и соответственно пострадала бы вера пехотинца в успех атаки. У него всегда должно быть чувство, что его мнение относительно деталей атаки тщательно обдумано, и каждый человек твердо верит в успех предприятия, если оно будет выполнено в соответствии с его идеей. Если в этих разговорах артиллерист способен заставить пехотинца почувствовать, что первостепенное значение имеют именно действия и инициатива пехоты, то он оказал этой пехоте почти такое же содействие, как и самим огнем, который он позднее откроет во время атаки.

В данном случае командир 9-й роты и офицер-артиллерист, пришедший обсудить с ним план наступления, знали друг друга по предыдущим боям, и испытывали взаимное доверие. Когда артиллерист сообщил ему о небольшом количестве батарей, выделенных для поддержки атаки, командир роты пришел в ужас, однако его друг успокоил его: «Ты, конечно, знаешь, как хорошо мы стреляем и что до сих пор ни одна атака, которую мы предприняли вместе, никогда не проваливалась. Русские позиции, на которых ты хочешь сосредоточить наш огонь, расположены так удобно для моих батарей, что можешь быть уверен, что мы их подавим». Затем оба офицера обсудили детали предстоящей атаки, и расстались в убеждении, что она будет успешной.

Завершив обсуждение своих планов с офицером-артиллеристом, командиры рот обсудили атаку со своими командирами взводов, которые, в свою очередь, довели ее замысел своим солдатам. Там, на опушке леса, каждая деталь была тщательно продумана: «1-й взвод идет вперед через овраг и захватывает вон тот небольшой холм, а затем атакует в направлении того высокого дерева, которое вы видите за холмом. 2-й взвод продвигается слева от 1-го взвода к этому холму и захватывает две траншеи на нем, которые расположены одна за другой. После этого они захватывают те дома сразу за холмом. После начала атаки 3-й взвод выдвигается на исходный рубеж и следует за 2-м взводом, как только тот захватывает траншеи. Два пулемета, которым приказано поддержать нас, будут вести огонь с той опушки леса, пока штурмовые взводы не ворвутся во вражеские траншеи, а затем выдвинутся вслед за ними к тому холму. Я буду находиться с 3-м взводом».

Отдав такой приказ, командир роты затем переговорил с командирами рот справа и слева от него, чтобы обеспечить взаимодействие. Чуть позже, со своими командирами взводов, появился командир резервной роты, чтобы провести рекогносцировку и сориентировать их на местности, а вскоре после этого прибыл и командир батальона, чтобы обсудить окончательный порядок действий со своими командирами рот. Прибыли выделенные два пулеметных расчета, раздали дополнительные боеприпасы. Из полевых кухонь принесли горячую еду, — это было одно из самых важных приготовлений, так как никто не знал, когда они будут обедать в следующий раз. Кроме того, солдату всегда воюется лучше, когда он сыт.

Я специально подробно описываю все эти бесконечные мелкие детали для того, чтобы читатель мог оценить мириады вещей, которые должны быть продуманы и осуществлены при подготовке заранее спланированной атаки. В самом начале войны все армии узнали, что для подготовки наступления требуется гораздо больше времени, чем

предполагалось поначалу. Они также выяснили, что после вступления в бой возможности отдавать подробные приказы уже не будет, и по этой причине приказы должны охватывать все вопросы, которые можно и нужно предусмотреть. В частности, боевая задача должна ставиться четко и быть безошибочно ясной, чтобы, как только подразделения вступят в бой, все подчиненные командиры могли действовать в рамках единого замысла.

Было уже 03:40 вечера, и над головой загрохотала немецкая артиллерия. Она длилась всего двадцать минут, но, к своей великой радости, пехота увидела, как снаряды разрываются в тех местах русской позиции, которые она считала самыми важными. Противник ответил тем же, энергично прочесывая болотистый лес артиллерийским и пулеметным огнем.

Ровно в четыре часа немецкая пехота поднялась из своих укрытий и двинулась вперед. Вначале они встретили лишь слабый русский огонь. Казалось, все идет хорошо. Внезапно справа впереди заработал пулемет. Он появился в том месте, о котором никто даже не подозревал. Кроме того, его положение не было видно с артиллерийского наблюдательного пункта. Через несколько мгновений двадцать человек упали, и каждый был убит пулей в голову. Атака 1-го взвода, вернее того, что от него осталось, была немедленно остановлена.

Видя, что атака 1-го взвода сорвалась, командир роты был вынужден теперь решить, будет ли он использовать свой резервный взвод для дальнейшего продвижения на этом участке своей атакующей цепи. Правильно, он решил не делать этого — если бы он в это время бросил в бой свой резерв, он, несомненно, был бы уничтожен, как только попал бы в зону огня этого смертоносного русского пулемета. Вместо этого он подбежал к двум приданным пулеметам, расположенным на опушке леса, и направил их огонь на холмы на правом фронте, которые были целью атаки 1-го взвода. Таким образом, он помешал русским в этом районе действовать против 2-го взвода.

Тем временем 2-й взвод, прикрытый небольшим склоном, быстро продвинулся вперед, не понеся потерь. Через несколько минут он ворвался на позиции русских. Завязалась короткая рукопашная схватка, несколько русских солдат подняли руки, и немцы скрылись за гребнем холма.

Вот теперь пришло время резерва:

— 3-й взвод следует за 2-м взводом через тот овраг, — крикнул командир роты. Повернувшись к пулеметам, он крикнул: — Следуйте за мной как можно быстрее! — после чего побежал вперед. С ним были четверо его людей, его верные спутники во многих битвах, — его заместитель и трое посыльных, составлявшие весь его штаб.

Задышавшись, он добрался до холма, который только что захватил 2-й взвод. Его встретила ужасная сцена. Немцы и русские, мертвые и умирающие, лежали в разбитой снарядами траншее. Где же 2-й взвод? Ему было приказано атаковать прямо во фронт — но перед фронтом его не оказалось. Внезапно он увидел, как он отбивается от противника на левом фланге, — он позволил себя отвлечь действиями 5-й роты слева, и поскольку атака 1-го взвода была остановлена, на немецком фронте образовалась неприятная брешь.

В этот момент внимание командира роты было внезапно отвлечено в тыл справа звуком сильного огня. Он оглянулся. Русские на холмах, которые атаковал 1-й взвод, не будучи больше прижатыми к своим траншеям огнем двух немецких пулеметов, начали контратаку. Командир роты видел, как в бой вступил 3-й взвод.

В этот момент один из посыльных крикнул: «Русские атакуют наш холм!» Заметив брешь в немецкой цепи, противник предпринял еще одну контратаку, на этот раз в фронт и против холма, на котором стоял командир роты и четверо его солдат. Одновременно с этим на холм обрушился шквальный пулеметный огонь. Двое посыльных были немедленно поражены — один был убит мгновенно, а другой, смертельно раненный, умер в тот же вечер. Командир роты и его заместитель открыли ответный огонь по атакующим русским, а последний посыльный вернулся в 3-й взвод за подкреплением.

Ситуация стала критической. Холм был ключевой позицией, и если бы русским удалось взять его, то была бы отбита не только немецкая атака здесь, но вероятно, оказались бы уничтожены и подразделения, атакующие слева, поскольку этот холм господствовал над полем боя. Поэтому командиру роты ничего не оставалось делать, как оставаться на холме, сражаться и надеяться, что солдаты 3-го взвода придут вовремя.

Русские, которые всегда храбро атаквали, приблизились на восемьдесят метров, потом на семьдесят, потом на пятьдесят. Оба немца примкнули штыки с намерением дорого продать свою жизнь. Внезапно открыл огонь один из двух пулеметов 9-й роты (другой был уничтожен артиллерией). Наконец-то он смог продвинуться вперед! С близкого расстояния он выпустил град пуль в русских, кося их, будто невидимой косой. Их контратака тут же захлебнулась. Несколько русских солдат, пытавшихся броситься вперед, были быстро убиты. Несколько человек, собрав последние остатки мужества, попытались напасть, но и они были уничтожены. Восемьдесят выживших потеряли мужество, бросили оружие и сдались, став немецкими пленными.

Несмотря на этот успех, кризис еще не миновал. 3-й взвод все еще сражался далеко в тылу. С холма, на котором стоял командир роты, можно было наблюдать за ходом боя. Пулемет развернулся и открыл огонь вправо в тыл, ударив русским во фланг, и через несколько мгновений был решен исход боя и на том участке. 3-й взвод смог выйти вперед, чтобы присоединиться к командиру роты. Тем временем холм, за который сражался 1-й взвод, был эвакуирован противником.

Командир роты продолжал атаку с 3-м взводом и остатками 1-го взвода. Они взяли штурмом слабо защищенные дома на соседнем холме. Сразу за холмом они увидели четыре русских полевых орудия, которые вот-вот должны были отступить. И снова открыл огонь верный пулемет. Лошади пали, и батарея стала немецкой добычей. Русские, не желая так легко расставаться со своей артиллерией, контратаковали и отбили батарею, но в этот момент в бой вмешались 5-я рота и 2-й взвод 9-й роты, и русские были вынуждены оставить свои орудия во второй раз.

Постепенно стало темнеть, но немцы продолжали наступление на протяжении нескольких километров, пользуясь успехом своего прорыва. Русская позиция была прорвана, маневренная война возобновилась.

Немецкие потери были тяжелыми. Например, 9-я рота, которая вступила в бой с одним офицером и девяноста солдатами, вышла из боя с одним офицером и сорока солдатами. В этом единственном бою их потери составили более пятидесяти процентов.

Ночью в тыл вывезли раненых, прибыли полевые кухни. Солдатам повезло, что в тот же вечер им привезли почту с родины, но было много писем и поздравлений для солдат 9-й роты, которые уже нельзя было доставить адресатам.

Мы подошли к концу нашего повествования. В этой главе мы изобразили несколько фаз боевых действий в той пограничной области, которая существует между маневренной и окопной войной. Мы видели, как трудно определить, настроен ли противник

на решительную битву или же он только хочет отсрочить ее. Мы подчеркнули тот факт, что только с помощью наступления можно достичь немедленной ясности, столь необходимой атакующей стороне, если она хочет предотвратить стабилизацию фронта. Мы указали, что войска должны знать и постоянно помнить ту истину, что такие атаки абсолютно необходимы, даже если они терпят неудачу. И наконец, мы увидели, какое огромное бремя приходится нести пехоте в таких сражениях.

Из всего этого можно извлечь определенные уроки, которые уже обсуждались в предыдущих главах, но их важность заслуживает того, чтобы мы их повторили:

(1) Чтобы атаки были успешными, они должны быть хорошо подготовлены и обеспечены.

(2) Существует только одна возможность отдавать подробные приказы, — это перед боем. Когда дело действительно началось, приказы должны быть короткими и простыми.

(3) Каждый бой развивается не так, чем ожидалось вначале. Офицеры и войска должны осознать это уже в мирное время, чтобы не терять мужества, когда в их рядах произойдет непредвиденное.

(4) О враге на войне известно очень мало. Атака — лучший способ рассеять эту неясность.

(5) Резервы должны использоваться там, где войска добились успеха, а не там, где они потерпели неудачу.

(6) И, наконец, еще раз показано, что успех и знание психологии боя являются мощными факторами для привития войскам чувства уверенности и безопасности. Ничто так не укрепляет их способность сопротивляться неожиданным и неприглядным впечатлениям боя, как это.

ГЛАВА VIII

РАЗВИТИЕ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ ПОСЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

События, о которых пойдет речь, представляют собой один из самых мрачных периодов во всей истории Германии. Не очень приятно рассказывать о том, как страна после четырех лет войны распалась и ее народ начал воевать между собой.

Америка знает, что гражданская война кровопролитна и ужасна. Эта война пришла в Германию после того, как наша нация проиграла войну, в которой она понесла невыразимые потери и осталась на то время голодная и обездоленная. И все же то, как солдаты помогали преодолевать эти ужасные условия, должно заинтересовать слушателей, когда факты излагаются им собратом-солдатом.

Революция вспыхнула в Германии 9 ноября 1918 года. Перемирие было подписано 11-го числа. Немецкая армия устремилась обратно на родину и вскоре была демобилизована. Через несколько недель от нее уже ничего не осталось, вся дисциплина исчезла. Как и во время любой революции, возобладала идея свободы — каждый думал, что может делать все, что ему заблагорассудится. В результате никто больше не хотел служить, каждый хотел командовать или получать много денег, не прилагая для этого никаких усилий. В промышленности рабочие требовали повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, забастовки стали таким же обычным явлением, как и потребность в хлебе насущном.

В это время за власть в Германии боролось несколько политических группировок. Революция привела к власти социалистов, но страной хотели также управлять и коммунисты, желавшие превратить ее в подобие Советской России. Обе эти фракции сражались не только на словах, но и с оружием в руках. В одной части Германии преобладали социалисты, в другой — коммунисты. В каждой немецкой провинции, в каждом городе и деревне возникали раздоры и междоусобицы. Этими условиями активно пользовались преступники, чтобы грабить и убивать.

Когда Германия оказалась в таком положении, миллионы молодых людей, не имеющих никакой другой работы, но хорошо обученных обращению с оружием, предложили свои услуги различным политическим группам для борьбы за контроль над правительством. Оружие было доступно повсюду. Офицеров распустили по домам и не позволяли выходить. Всякий раз, когда их видели на улицах, они подвергались унижениям, оскорблениям, даже нападкам и избиениям. Многие оказались убиты. Кроме того, поляки на Востоке, не дожидаясь окончания перемирия, вторглись на немецкую территорию в Силезии, в то время как большевики угрожали нашей восточной границе. Таковы были условия в Германии на Рождество 1918 года, когда все остальные народы праздновали великий день «всеобщего мира на земле, и доброй воли к людям».

Правительство, теперь уже неспособное защитить себя от действий коммунистов, призвало к созданию Добровольческой армии. Добровольцы уже начали стекаться под начало Гинденбурга, который предложил свои услуги Отечеству, и это предотвратило дальнейшее продвижение поляков. Эти силы дополнялись теми офицерами и унтер-офицерами почти из каждого небольшого гарнизона, которые оставались верными правительству.

С другой стороны, многие гарнизоны, которые были хорошо снабжены оружием, боеприпасами и снаряжением, оказались заняты группами молодых людей под руководством коммунистических лидеров, которые объявили, что их правительство — это их новая военная сила. Хотя они не выполняли никаких обязанностей, им платили, и поскольку у них было оружие, они терроризировали людей. Например, часто случалось, что они шли в банк, требовали и получали большую сумму денег, а затем делили ее между собой. Их лидером стал их лучший болтун-демагог. Они не подчинялись приказам правительства, но делали все, что им заблагорассудится. Они устанавливали свою власть кулаками, для них свобода означала оплату без работы.

В результате население терпело лишения и голод. На протяжении нескольких лет очень не хватало молока, кофе, яиц и табака. Я помню, что еще в 1920 году мы часто ложились спать рано, потому что были голодны. Каждый получал в неделю только одну буханку хлеба, четверть фунта масла и четверть фунта мяса. Масло и мясо мы ели только по воскресеньям, вместе с куском хлеба. Даже сейчас, когда я думаю об этих временах, я едва ли понимаю, на что мы действительно жили.

В феврале 1919 года начался набор добровольцев. Почти каждый офицер предлагал свои услуги. Были сформированы новые подразделения. Добровольцев было много, потому что было много желающих свергнуть коммунистов, а также потому, что многие не могли найти работу. К сожалению, для руководства этим движением не было общей политики. Власти нуждались в офицерах, чтобы выйти из затруднительного положения, но, с другой стороны, существовал страх, что офицеры могут развернуться и свергнуть правительство, поэтому для наблюдения за ними были созданы военно-политические комиссии, которые пытались помешать офицерам, выполнявшим свои приказы. Зачастую военные комиссары пытались отстранить офицеров и обеспечить контроль, однако постепенно командирам удалось закрепить за собой командование собственными подразделениями.

Не будем, однако, думать, что теперь у нас были превосходные войска. Солдаты служили в течение трех месяцев, но имели возможность покинуть свои части после 14-дневного уведомления. Это часто происходило, когда они узнавали, что им придется вступить в бой, поэтому постоянно шла текучка личного состава. Иногда роты численностью в 150 человек за несколько дней сокращались до 30 или 40 человек. Иногда солдаты решали, что им не нужен тот или иной офицер, и поэтому отказывались служить под его началом. Если предстояла смена командира, солдаты хотели, чтобы с ними советовались заранее.

Многие города и провинции отказались от таких правительственных войск, и создавали свои собственные части в соответствии со своими политическими симпатиями — если они были большевиками, то и войска у них были настроены пробольшевистски.

Численность этих новых подразделений была совершенно различная. В одном месте формировалась рота, в другом — полк и т.д. Иногда полк состоял из двух батальонов, иногда из трех батальонов, иногда они имели пулеметы или траншейные минометы, а иногда их не было вовсе. Солдаты все еще носили старую униформу, но у каждого подразделения были свои отличительные знаки различия, и чем красивее они были, тем больше солдат к нему присоединялось. Иногда командир, обладавший финансовой поддержкой, мог платить своим солдатам больше, чем другие лидеры, и естественно, многие люди приходили к нему.

Эти новые подразделения начали охранять закон и порядок в ближайших окрестностях от своего расположения. Иногда им удавалось делать это без особых проблем, но чаще всего происходили жестокие бои, самые тяжелые из которых развернулись в Берлине, где на протяжении нескольких дней применялись артиллерия и траншейные минометы. Некоторые из берлинских рот состояли исключительно из офицерского состава. Позже мы объединили эти войска в более крупные части и сформировали усиленные бригады, которые затем были использованы против провинций и городов, которые оказались охвачены восстаниями. Продолжительные военные кампании велись против Баварии, Саксонии, Тюрингии и Брауншвейга, а тем временем другие части сражались на восточной границе против поляков в Литве и против Советов в Курляндии.

Лишь с величайшим трудом можно было удержать в узде неугомонные массы людей. Снова и снова возникали восстания, и снова и снова приходилось использовать войска. Кроме того, возникли трудности внутри самих подразделений, зачастую войска пытались отстранить офицеров от командования. Условия, сложившиеся в Германии к концу 1919 года, были ужасны.

Тем временем был подписан Версальский мирный договор. Это означало, что наша армия теперь ограничена численностью в 100000 человек, включая 4000 офицеров, а наш флот — 15000 человек, включая 1500 офицеров.

При таком резком переходе к этой новой армии пришлось уволить тысячи офицеров и практически весь личный состав. Нужно было найти новых солдат, готовых взять на себя и нести длительную военную службу. Между тем, оставалась еще задача подавления новых бунтов.

В марте 1920 года вспыхнул контрреволюционный мятеж, — была предпринята попытка силовым путем разрушить республику и восстановить монархию. При монархии армия была сильной и могущественной, а офицеры занимали почетное положение, а поскольку одним из первых актов республики был роспуск армии, и большинство офицеров были отправлены по домам, то неудивительно, что к этому новому мятежу присоединилось большое число офицеров и все их командование.

Однако некоторые из них видели, что подобная попытка не могла увенчаться успехом, поскольку народ в целом не хотел монархии, и поэтому остались верны существующей власти. Другие — и я думаю, что их было большинство — вообще не интересовались политикой. Они считали, что их долг — восстановить мир и порядок, чтобы можно было добиться мирного развития, и также поддерживали правительство.

Коммунисты воспользовались возможностью, предоставленной контрреволюцией, для захвата власти, и вскоре они уже контролировали крупные промышленные центры. Они сформировали красные войска, поскольку в людях, которые понимали, как пользоваться оружием, недостатка не было. Свою власть они насаждали террором, по образцу русских, и на помощь им были отправлены русские деньги и русские руководители. В те тяжелые дни казалось, что Германия неминуема распадется. Что за обстановка была! Поначалу республика, потом началась контрреволюция, которая пыталась восстановить монархию, и против того и другого выступили красные коммунисты. Единственным стабилизирующим фактором во всем этом хаосе была армия, во второй раз страну спасли ее солдаты, но прежде всего офицеры. Контрреволюция потерпела неудачу в течение нескольких дней, но коммунисты сполна воспользовались этим коротким периодом для пополнения своих рядов. Теперь против них началась долгая военная кампания.

Крупнейшим и важнейшим промышленным центром Германии является Рур. Без

него Германия не может жить. Вся эта область находилась в руках красных, которые пытались свергнуть государство, используя этот район в качестве своей базы. Против них можно было выслать очень немного войск, причем их нужно было собрать со всех частей Германии, но такое сосредоточение невозможно было осуществить до тех пор, пока мир и порядок не установятся в их собственных районах.

Наконец, дивизии были собраны, и Рурская область была осаждена со всех сторон. В течение некоторого времени ситуация была критической. Шли ожесточенные бои, потери с обеих сторон были очень тяжелыми. Один из наших полков в бою в одном из крупных городов потерял десять офицеров убитыми и ранеными. Бои продолжались до мая, после чего мир постепенно восстановился. Лишь изредка здесь и там вспыхивали восстания, которые войскам удавалось подавлять.

В течение всего этого периода продолжалось расформирование войск. На протяжении 1920 года численность призывников колебалась от 200 до 150 тысяч человек, многие добровольческие корпуса, помогавшие правительству, были расформированы. Некоторые отказались распускаться, и их пришлось заставлять силой, зачастую солдат приходилось посылать против своих же товарищей. Некоторыми добровольческими корпусами командовали либо капитаны, либо обер-лейтенанты, а в новой регулярной армии эти места должны были заполниться старшими офицерами. Часто солдаты отказывались признавать нового командира, некоторые командиры добровольческих корпусов не соглашались на понижение в должности. И такие ситуации порождали бесконечное количество трудностей, которые нужно было преодолевать. В конце концов, требуемая демобилизация была завершена.

Вдобавок к осложнениям в реорганизации никто ничего не знал о своем собственном будущем. Были созданы полковые и бригадные советы для определения того, какие офицеры должны остаться в новой армии. В состав этих советов входили молодые офицеры, а также старшие командиры. Они решали, кого из офицеров следует уволить, а кого оставить. Сегодня мы знаем, что они хорошо выполняли свою работу.

Так закончился 1920 год. Первого января 1921 года должна была быть новая армия численностью 100000 человек, но на протяжении еще какого-то времени все еще оставалось около 50000 дополнительных войск, которые были распущены окончательно под конец апреля 1921 года. При этом новая армия была полноценной, но полноценной лишь в той мере, в какой человек является полноценным при рождении. Ему еще предстояло научиться ходить, говорить и думать. Это требовало времени, мирного развития и достаточного питания, но все эти факторы отсутствовали.

Питание армии состоит из оружия и снаряжения. В этой новой армии у нас нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков, ни химического оружия. Нам разрешено иметь только по два комплекта формы на каждого солдата. Количество пулеметов и минометов, и даже количество патронов — все строго регламентировано. Например, всего материального имущества всех наших семи саперных батальонов достаточно, чтобы построить лишь один мост длиной 500 метров. Подобная нехватка вооружения делает даже мысль о том, чтобы участвовать в современной войне, несостоятельной. Более того, обучение с подобным ограниченным вооружением требует необычайного воображения, ведь теория должна заменить практику.

Еще более осложняет ситуацию то, у нас было мало возможностей для мирного развития. В 1921 году несколько полков пришлось отправить в центральную Германию,

чтобы подавить там очередной бунт. Фактически до 1924 года восстаний, которые пришлось подавлять войсками, было значительное количество. Затем наступила инфляция, и все прежние представления о ценности денег оказались разрушены, — все деньги казались бесполезными: на текущую сумму нельзя было ничего купить уже на следующий день.

Потом наступила зима 1923-24 года. Французы перешли Рейн и заняли Рурскую область. В Саксонии и Тюрингии снова правили коммунисты. В Баварии была предпринята новая попытка начать революцию. Поляки заняли Силезию. Инфляция достигла своего апогея. Как только армия начала поднимать боевой дух, ее снова призвали к подавлению беспорядков. Бои продолжались всю зиму вплоть до следующего марта. Наконец, порядок был снова восстановлен. Снова и снова, когда нация была в беде и опасности, обращались к солдату, и каждый раз он спасал положение.

С 1924 года армия смогла развиваться в относительно мирных условиях, но не без значительных трудностей, многие из которых не преодолены и поныне. Подумайте об ограничениях нашей армии и проблемах, которые эти ограничения влекут за собой. Например, солдат должен отслужить двенадцать лет. На протяжении всего этого времени чрезвычайно трудно предложить солдату прогрессивное обучение и поддерживать его профессиональный интерес. Он также должен быть подготовлен к работе после того, как его уволят, ведь он приходит в армию, когда ему восемнадцать или двадцать лет. Это означает, что в момент увольнения ему будет тридцать или тридцать два, и он окажется слишком стар, чтобы начать учиться ремеслу или профессии заново, но еще слишком молод, чтобы оставаться без работы до конца своей жизни. Поэтому были учреждены школы, которые солдат может посещать во время службы с тем, чтобы он мог подготовиться к работе по своему выбору после увольнения. Одним из недостатков такого подхода является то, что во время службы он может слишком много думать о своей будущей профессии и потерять интерес к своему солдатскому долгу.

Естественно, что в такой армии, с ее длительным периодом призывной службы, от офицеров требуется очень много. Дисциплина, утраченная в бурные годы революции, должна была медленно восстанавливаться перед лицом тяжелых внутренних и внешних условий. Необходимо было подготовить и ввести в действие новые уставы, отражающие уроки, извлеченные нами во время Мировой войны. Мало того, что войска должны были быть организованы, расквартированы и оснащены, но в то же время они должны были быть обучены совершенно новой тактике. Богатый военный опыт офицеров и унтер-офицеров был большим преимуществом, но их задача была трудной.

Оглядываясь на первые десять лет существования нашей новой армии, у нас есть основания гордиться своими достижениями. Везде о нашей армии говорят с большим уважением. Она невелика, но эффективна. Дисциплина и боевой дух восстановлены, профессиональные способности и стандарты как офицеров, так и солдат высоки. И все это было сделано большим кропотливым трудом и в короткие сроки. Мы построили себе новый дом, и этот дом стоит прочно и надежно.

ГЛАВА IX

СУХОПУТНЫЕ ВОЙСКА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

(Статья была напечатана в журнале «Militar Wöchen Blatt» от 25 января 1932 года)

Каждая армия, если она хочет успешно выполнять свою миссию, должна являться органическим элементом как своего народа, так и своего государства. Если мы хотим понять дух армии, если мы хотим понять ее настроения, ее мысли, ее организацию, то мы должны прежде всего заняться той миссией, которая возложена на нее государством.

Регулярная армия Соединенных Штатов насчитывает около 120000 человек, включая около 12000 офицеров, — конечно, не так уж много для такой огромной страны, особенно если учесть, что большая часть этой армии расквартирована в Панаме, Пуэрто-Рико, на Гавайях, Филиппинах и в Китае. Если мы посмотрим в географический атлас, то увидим, что Германия и Соединенные Штаты изображены на одинаковых страницах, поэтому по такому источнику трудно сравнить относительные размеры [этих стран]. Для этого мы должны обратиться к глобусу. Представьте себе, что Соединенные Штаты состоят из сорока восьми отдельных штатов, самый большой из которых, Техас, имеет площадь на треть больше, чем вся Германия, но его население насчитывает всего около пяти миллионов жителей. Если бы это единое государство было столь же густонаселенным, как Германия, оно насчитывало бы от восьмидесяти до девяноста миллионов жителей, однако в настоящее время во всей Америке проживает не более ста двадцати миллионов человек.

Железнодорожный экспресс курсирует из Кёльна в Кенигсберг, через всю Германию, за двадцать четыре часа. Чтобы пересечь Соединенные Штаты от Нью-Йорка до Сан-Франциско, самому быстрому экспрессу требуется три с половиной дня. В Европе такое путешествие почти соответствует поездке из Лиссабона в Москву.

На всю эту огромную страну насчитывается около ста тысяч солдат. Естественно, они разбросаны очень широко. Сто тысяч солдат на такую обширную территорию, по нашим меркам, — это действительно очень мало. Но достаточно ли такой маленькой армии для Америки?

Сравнивая военные силы, средний американский житель, естественно, делает обобщения на основе ситуации в своей стране. Он спрашивает иностранного гостя: «Почему европейские государства содержат такие большие армии? Почему, например, Германия не довольствуется ста тысячами человек, ведь она гораздо меньше Соединенных Штатов?» Совершенно независимо от того, что Соединенные Штаты имеют в своем распоряжении более или менее подготовленные резервы, в то время как Германия, в результате диктата Версаля, их не имеет, ответ заключается в том, что условия в двух странах отличаются, и отличаются поразительно. Соединенные Штаты — это не страна в европейском смысле, а скорее континент. Учитывая их мировое политическое положение, страна не имеет риска подвергнуться опасному нападению с суши.

Американцу не нужно беспокоиться о внезапном вторжении. Он может позволить себе роскошь и лишить своего врага возможности диктовать момент, когда он должен защищаться. Он рассуждает так: «Сегодня я не готов вступить в войну, но буду готов позже. Я не буду готов к сражению в течение шести месяцев, поэтому до тех пор сражаться я не начну. Я, а не враг, буду решать, в какой день я брошу свою армию в бой. У

меня всегда будет ровно столько времени на подготовку, сколько я сочту необходимым». Как же разительно по-другому обстоят дела в Европе!

Чтобы обеспечить свою национальную безопасность, Америка не нуждается в регулярной армии, пропорциональной численности своего населения. Решающими являются другие мотивы. В случае мобилизации небольшая регулярная армия будет составлять ядро, вокруг которого будет формироваться огромная армия военного времени. Регулярные формирования составляют кадровую армию, основной задачей которой в мирное время является подготовка резервов. Это не столько армия, которая на случай войны приводится в полную боевую готовность, сколько учебный личный состав для той армии военного времени, которая появляется после мобилизации. Поэтому ее главную миссию в мирное время мы находим заключенной в одном слове — обучение.

Принципиальное отличие американской армии от большинства европейских состоит в том, что в Америке на первый план выходит роль инструктора. Это, безусловно, огромная задача, которую выполняют всего лишь двенадцать тысяч офицеров на «армию» миллионов, разбросанных по обширной территории. В мирное время эти миллионы потенциальных солдат являются гражданскими лицами, которые занимаются своим делом и мирными профессиями. Они не служат в течение определенного времени в рядах регулярной армии, как это было в довоенной Германии и как это все еще имеет место в большинстве европейских стран сегодня. Конечно, они тренируются, изучают военное дело, готовятся и воспитывают себя в мирное время, но только в той мере, в какой это позволяет их гражданское призвание. Другими словами, военная служба для них — это вторично. Когда начинается война, этими войсками командуют не кадровые офицеры; они выходят на поле боя под командованием гражданских лиц, — руководителей, которые непосредственно отвечали за их подготовку в мирное время.

В таких обстоятельствах, что делает американский кадровый офицер? Его главная роль — это роль инструктора и наставника для огромной армии великой войны. Большую часть своей военной карьеры он служит в качестве инструктора вдали от регулярных войск и полностью самостоятельно.

Естественно, подготовка кадрового офицера должна соответствовать его основной деятельности. Для того чтобы офицер мог быть как можно быстрее высвобожден для инструкторской работы, его обучение ведется по сжатой программе на краткосрочных курсах. Каким же образом подобное обучение может быть организовано для офицеров в полках? В нашей армии мы не знаем иного способа обучения офицеров, кроме как непосредственно в войсках. Все другие средства — офицерские школы или курсы — являются чисто дополнительными. В Америке, однако, именно они составляют фундаментальную особенность подготовки офицеров.

Американская регулярная армия разбросана по огромной стране бесчисленными маленькими гарнизонами, которые часто расположены друг от друга в нескольких днях пути. Если бы такие условия преобладали в Германии, это означало бы, что командир полка, чтобы посетить все свои роты, должен был бы выехать, скажем, из Данцига в Констанц. Но в Америке такие случаи нередки. Как правило, гарнизоны располагаются за пределами городов на федеральных землях и известны как «форты» или «лагеря». К такому разделению армии привело развитие государства и использование вооруженных сил в предшествующем столетии в качестве форпостов против индейцев. В этих отдельных фортах войска во всем зависят только от самих себя. Это означает, что они строят и поддерживают в рабочем состоянии дороги, пути и, частично, здания. Таким образом, с

личным составом этих небольших гарнизонов, который в значительной степени отстранен от строго воинской службы, ведение упорядоченной и полезной военной подготовки затруднено. Кроме того, американская конституция ограничивает использование территорий для обучения войск только федеральными землями, и запрещает размещение солдат в гражданских домах. В результате комплексные учения на местности или маневры могут проводиться только в тех гарнизонах, которые располагают обширными учебными площадями, а таких гарнизонов немного. Случайные переброски войск на подходящие учебные полигоны в лучшем случае являются плохой заменой этого, и кроме того, эти перевозки затруднительны ввиду больших расстояний. Еще одним фактором, препятствующим наиболее эффективной подготовке боевых формирований, является нехватка офицерского состава.

Теперь очевидно, почему офицеры не могут быть подготовлены к тому, чтобы стать первоклассными наставниками в течение сравнительно короткого периода их службы в войсках, — слишком много различных обязанностей поглощают их время в этот период. Из этого естественно вытекает, что такая подготовка должна проводиться в офицерских школах. Учебные планы таких школ должны быть основаны на идее обучения офицера всему, что ему необходимо в качестве инструктора. Он изучает наиболее важные понятия, как с тактической, так и с технической точки зрения. Он также изучает педагогику и лучшие методы обучения военным предметам. Полевая служба в войсках — это не более чем интерлюдия в этом постоянно меняющемся цикле — обучать личный состав и учиться самому.

Таким образом, мы видим, что американская система регулярной армии порождает огромные образовательные учреждения, предназначенные главным образом для подготовки наставников, которые будут готовить к войне резервы и нацию в целом. Это действительно прекрасная система, но мы, закованные в цепи [Версаля], можем смотреть на нее только с завистью.

Однако у ней есть и свои недостатки. Быть офицером — это значит быть лидером, быть руководителем войск в бою. Конечно, справедливо утверждение, что лидеры, как и великие художники, рождаются, а не создаются; но даже рожденный гениальный художник нуждается в многолетней упорной учебе и практике, прежде чем он овладеет своим искусством. Точно так же обстоит дело и с военачальником, — если он хочет научиться военному искусству, он должен практиковаться с инструментами этого искусства.

Как уже говорилось, основная функция американского офицера — это функция инструктора и наставника, поскольку он должен учить других, как учить. Но чтобы быть успешным учителем, разве он не должен быть также и лидером? Следует помнить, что регулярная армия также будет участвовать в войне, и участвовать под своим командованием. Но если американский офицер — это прежде всего учитель со своей первоначальной подготовкой в школах, останется ли достаточно времени и возможностей для его развития как лидера?

В рамках данной краткой статьи мы можем лишь предложить ответы на этот вопрос и связанные с ним несомненные трудности. Как среди всего офицерского корпуса достигается общее видение и единство во взглядах? В условиях, господствующих в армии Соединенных Штатов, очевидно, что офицерские школы не могут довольствоваться введением своих курсантов в мир военной мысли и просто направлять их мыслительные процессы так, чтобы их интеллект созрел позже под руководством старших офицеров. Так

как возможности практического обучения на службе ограничены, то курсант должен забрать с собой из школы определенные ответы на свои вопросы; в него должны быть вложены стандартные идеи и принципы. Его мышление по заранее подготовленным каналам должно быть приведено к решению, признанному наиболее подходящим. Независимое мышление должно отойти на второй план по сравнению с выработкой единообразного решения. Поэтому естественно возникает опасность того, что слишком большое внимание в обучении уделяется определенным формам и устоявшимся шаблонам.

Теперь ответ на другой вопрос, который я поднял: двойная подготовка в качестве инструкторов и лидеров. Мы постарались разъяснить, что главной задачей американского офицера является преподавание — вдали от войск — и что знания, необходимые для достижения этой цели, даются ему на краткосрочных курсах в офицерских школах. Американцы, конечно, понимают, что офицер должен быть обучен не только как инструктор, но и как руководитель. Они также с сожалением признают, что достижение идеала, т.е. подготовки инструкторов и руководителей одновременно, недостижима из-за человеческого несовершенства и короткого периода учебных курсов. Тем не менее, делается все возможное, чтобы обучить курсантов быть лидерами. В распоряжении, по крайней мере, одной из школ (пехотной школы) находятся боевые подразделения, и все руководящие должности в этих подразделениях часто заполняются курсантами во время боевых учений.

Каждый офицер, получая новое звание, как правило, один раз на протяжении двух лет исполняет обязанности командира в иностранных владениях. Подразделения в этих владениях численно сильнее, чем соответствующие подразделения на территории Соединенных Штатов, и предоставляют наилучшие возможности для подготовки офицеров в качестве лидеров. Тем не менее, акцент как в деятельности, так и в подготовке американского кадрового офицера — повторим это еще раз — делается на преподавательской деятельности.

Перед войной на германскую армию, помимо других ее обязанностей, была возложена военная подготовка народа в целом. Мы решили эту проблему, подготовив резервы внутри регулярной кадровой армии. Мы могли это сделать, потому что численность нашей армии позволяла это сделать. Численно слабая американская армия не могла готовить эти резервы в своих собственных частях, даже если исторические и политические основания делать этого не запрещали. Пришлось искать другие пути. Такая система кажется нам странной, но она, несомненно, лучше всего подходит для американских условий. Относительная географическая изоляция Соединенных Штатов делает такую схему вполне практичной, однако подобные американские методы не пригодны и не практичны в Европе без внесения в нее существенных изменений.

